

A high-contrast, black and white portrait of Mahatma Gandhi. He is shown from the chest up, wearing his iconic round glasses and a shawl. His expression is calm and slightly smiling. The background is solid black, making the subject stand out.

Махатма Ганди

Революция
без насилия

Махатма Карамчанд Ганди

Революция без насилия

Серия «Титаны XX века»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5011709
Революция без насилия.: Алгоритм; Москва; 2012
ISBN 978-5-4438-0124-7

Аннотация

Махатма Ганди считал своим духовным учителем Льва Толстого, а с самим Ганди очень хотел бы поговорить Владимир Путин, как он заявил журналистам в 2007 году. Почему Ганди по праву называют «титаном XX века»? Один из руководителей и идеологов движения за независимость Индии от Великобритании, он разработал теорию о «ненасильственной революции». Она оказала огромное влияние на сторонников мирных перемен и привела в конечном счете к победе: к освобождению Индии от англичан в 1947 году. Позже опыт «ненасильственной революции» был с успехом применен и в ряде других стран. В книге, представленной вашему вниманию, Махатма Ганди рассказывает о своей жизни и борьбе, а также представляет основные положения своей идеологии.

Содержание

Предисловие	4
М. Ганди. Моя вера в ненасилие	10
Раздел 1 Борьба без насилия	13
За что мы боремся	13
Как добиться победы	38
Раздел 2 Автобиография, или история моих опытов с истиной	64
Вместо предисловия. Дж. Оруэлл.	64
Размышления о Ганди	
Вступление	78
Часть первая	85
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Махатма Ганди

Революция без насилия

Предисловие

Его имя окружено в Индии таким же почитанием, с каким произносятся имена святых. Ганди происходил из семьи, принадлежащей к торгово-ростовщической касте. Его отец, Карамчанд Ганди занимал пост главного министра провинции Порбандар. В семье Ганди строго соблюдались все религиозные обряды. Особенно набожной была его мать – Путлибай. Богослужение в храмах, принятие обетов, соблюдение постов, строжайшее вегетарианство, самоотречение, чтение священных книг индусов, беседы на религиозные темы – все это составляло духовную жизнь семьи юного Ганди.

В 19 лет Мохандас Ганди отправился в Лондон, где получил юридическое образование. В 1891 году, по завершении обучения, он вернулся в Индию. Поскольку профессиональная деятельность на родине не принесла Ганди особого успеха, он в 1893 году отправился работать в Южную Африку, где вступил в борьбу за права индийцев. Там он впервые применил в качестве средства борьбы ненасильственное сопротивление (сатьяграха). Большое влияние на формирование мировоззрения Мохандаса Ганди оказала Бхагавадгита,

а также идеи Л. Н. Толстого (с которым Ганди состоял в переписке).

В 1915 году М. К. Ганди возвратился в Индию, и через четыре года активно включился в движение за достижение независимости страны от британского колониального владычества. В 1915 году знаменитый индийский писатель, лауреат Нобелевской премии по литературе Рабиндранат Тагор впервые применил по отношению к Мохандасу Ганди титул «Махатма» – «великая душа» (причем сам Ганди этого титула не принял, считая себя недостойным его).

В борьбе за независимость Индии М. Ганди также использовал методы ненасильственного сопротивления: в частности, по его инициативе индийцы прибегали к бойкоту британских товаров и учреждений, а также демонстративно нарушали ряд законов. В 1921 году Ганди возглавил Индийский национальный конгресс, который покинул в 1934 году в силу расхождения своих взглядов на национально-освободительное движение с позицией других руководителей партии.

* * *

Махатма Ганди пользовался огромным влиянием как среди индусов, так и среди мусульман Индии и старался примирить эти враждующие группировки. Он крайне отрицательно отнесся к разделению бывшей колонии Британская Ин-

дия в 1947 году на светскую республику Индия с преобладанием индуистского населения и мусульманский Пакистан. После раздела вспыхнула жестокая борьба между индуистами и мусульманами.

1947 год для Ганди закончился горьким разочарованием. Он продолжал доказывать бессмысленность насилия, но, казалось, никто его не слышал. В январе 1948 года в отчаянной попытке остановить межнациональные распри Махатма Ганди прибегнул к голодовке. Он объяснил свое решение так: «Смерть станет для меня чудесным избавлением. Уж лучше умереть, чем быть беспомощным свидетелем самоуничтожения Индии».

Жертвенная акция Ганди оказала необходимое воздействие на общество. Лидеры религиозных групп согласились пойти на компромисс. Через несколько дней после того как Махатма начал голодовку, они приняли совместное решение: «Мы заверяем, что будем защищать жизнь, собственность и веру мусульман, и те инциденты на почве религиозной нетерпимости, которые имели место в Дели, больше не повторяются».

Но Ганди добился лишь частичного примирения индусов и мусульман. Дело в том, что экстремисты были в принципе против сотрудничества с мусульманами. «Хинду Махасабха», политическая организация с отрядами террористов «Раштра дал» и «Ваштрия сваям севак», решила продолжать борьбу. Однако в Дели ей противостоял авторитет Махат-

мы Ганди. Поэтому и был организован заговор, возглавляемый лидером «Хинду Махасабха», бомбейским миллионером Винайяком Саваркар. Саваркар объявил Ганди «коварным врагом» индусов, а абсолютизируемую гандизмом идею ненасилия назвал безнравственной. На имя Ганди ежедневно поступали протесты от ортодоксальных индуистов. «Одни из них считают меня изменником. Другие полагают, что я усвоил свои нынешние убеждения против неприкасаемости и тому подобное от христианства и ислама», – вспоминал Ганди.

Саваркар решил устранить неугодного философа, который пользовался такой популярностью у индийского народа. Бомбейский миллионер в октябре 1947 года создал из своих верных людей террористическую группу.

Первое покушение на жизнь Махатмы Ганди произошло 20 января 1948 года, через два дня после того как он прекратил голодовку. Лидер страны обращался к верующим с веранды своего дома в Дели, когда беженец из Пенджаба по имени Маданлал бросил в него самодельную бомбу. Устройство разорвалось в нескольких шагах от Ганди, но никто не пострадал.

Индийское правительство, встревоженное этим инцидентом, настаивало на усилении личной охраны Ганди, но он и слушать об этом не хотел. «Если мне суждено погибнуть от пули безумца, я сделаю это с улыбкой». На тот момент ему было 78 лет.

30 января 1948 года Ганди проснулся на рассвете и принялся за работу над проектом конституции, который надо было представить конгрессу. Весь день ушел на обсуждение с коллегами будущего основного закона страны. Пришло время вечерней молитвы, и в сопровождении своей племянницы он вышел на лужайку перед домом.

Как обычно, собравшаяся толпа бурно приветствовала «отца нации». Приверженцы его учения бросились к своему кумиру, пытаясь, по древнему обычаю, дотронуться до ног Махатмы. Пользуясь возникшей суматохой, Натхурам Годзе в числе прочих поклоняющихся приблизился к Ганди и трижды выстрелил в него. Первые две пули прошли насквозь, третья застряла в легком в области сердца. Слабеющий Махатма, поддерживаемый с обеих сторон племянницами, прошептал: «О Рама! О Рама!» («О Боже! О Боже!»). Затем показал жестами, что прощает убийцу, после чего скончался на месте. Это произошло в 17 часов 17 минут.

Годзе пытался покончить жизнь самоубийством, но в этот момент к нему бросились люди, чтобы расправиться с ним на месте. Однако телохранитель Ганди спас убийцу от разгневанной толпы и передал его в руки правосудия.

Вскоре власти выяснили, что убийца действовал не в одиночку. Был раскрыт мощный антиправительственный заго-

вор. Перед судом предстали восемь человек. Все они были признаны виновными в убийстве. Двоих приговорили к смертной казни и повесили 15 ноября 1949 года. Остальные заговорщики получили длительные сроки тюремного заключения.

* * *

А. Эйнштейн писал: «Моральное влияние, которое Ганди оказал на мыслящих людей, является намного более сильным, нежели кажется возможным в наше время с его избытком грубой силы. Мы признательны судьбе, подарившей нам столь блестящего современника, указывающего путь для грядущих поколений... Возможно, грядущие поколения просто не поверят, что такой человек из обычной плоти и крови ходил по этой грешной земле».

В 2007 году президент России Владимир Путин, отвечая на вопрос немецкого журнала «Der Spiegel», сказал:

«...Являюсь ли я демократом чистой воды? Конечно, я абсолютный и чистый демократ. Но вы знаете, в чем беда? Даже не беда, трагедия настоящая. В том, что я такой один, других таких в мире просто нет... После смерти Махатмы Ганди поговорить не с кем».

М. Ганди. Моя вера в ненасилие

Я обнаружил, что жизнь существует среди разрушения и, следовательно, должен существовать закон более высокий, чем закон разрушения. Только при таком законе общество будет построено верно и разумно, и жизнь будет стоить того, чтобы прожить ее. И если это закон жизни, то мы должны применять его в каждодневной жизни. Где бы ни возникала ссора, ни противостоял вам оппонент, покоряйте его любовью. Я, как мог, применил это в своей жизни. Это не означает, что все мои проблемы решены. Но я обнаружил, что этот закон любви действует так, как никогда не действовал закон разрушения.

В Индии мы наблюдали наглядную демонстрацию действия этого закона в самом широком масштабе. Я не утверждаю, исходя из этого, что ненасилием обязательно прониклись все триста миллионов человек, но я утверждаю, что оно проникло глубже, чем любая другая идея, и причем за невероятно короткие сроки. Мы не все были одинаковыми приверженцами ненасилия, и для подавляющего большинства ненасилие было вопросом политики. Но тем не менее я хочу, чтобы вы поняли, что страна сделала феноменальный шаг вперед, хранимая идеей ненасилия.

Необходима достаточно напряженная подготовка, чтобы войти в психологическое состояние ненасилия. В каждо-

дневной жизни это должен быть путь дисциплины (хотя это может кому-то и не понравиться), как, например, жизнь солдата. Но я согласен с тем, что пока нет сильной искренней поддержки со стороны разума, одно лишь внешнее соблюдение будет только маской, вредной как для самого человека, так и для других. Совершенство состояния достигается только когда разум, тело и речь находятся в согласии. Но это всегда напряженная умственная борьба. Нельзя сказать, что я неспособен на гнев, например, но почти во всех случаях мне удастся контролировать свои чувства.

Каков бы ни был результат, во мне всегда идет сознательная борьба за целенаправленное и непрерывное следование закону ненасилия. Такая борьба делает человека сильным для дальнейшей борьбы. Ненасилие – это оружие сильных. У слабых это с легкостью может быть лицемерием. Страх и любовь – противоречащие понятия. Любовь безрассудно отдает, не задумываясь о том, что получает взамен. Любовь борется со всем миром, как с собой, и в конечном итоге властвует над всеми другими чувствами. Мой каждодневный опыт (а также опыт тех, кто работает со мной) показывает, что каждая проблема поддается разрешению, если мы решительно настроены сделать закон правды и ненасилия законом жизни. Правда и ненасилие для меня – стороны одной медали.

Закон любви действует, как действует закон гравитации, независимо от того, принимаем мы это или нет. Как ученый

творит чудеса, по-разному применяя закон природы, так и человек, применяющий закон любви с аккуратностью ученого, может творить еще большие чудеса. Сила ненасилия безгранично более тонка и чудесна, чем материальные силы природы, как, например, электричество. Люди, открывшие для нас закон любви, были более великими учеными, чем любой из наших современных ученых. Только исследования наши еще недостаточны, и поэтому не все могут видеть достижения. Такова, по крайней мере, иллюзия (если это иллюзия), которая помогает мне трудиться.

Чем больше я работаю над этим законом, тем больше я ощущаю радость в жизни, радость в устройстве нашей вселенной. Это приносит мне умиротворение и объяснение тех таинств природы, которые я бессилён описать.

Раздел 1 Борьба без насилия

За что мы боремся

Что такое сварадж?

Редактор: Вполне возможно, что мы по-разному понимаем это слово. Мы с вами и все индийцы полны нетерпения добиться свараджа, но, по-видимому, мы не договорились, что это такое. Изгнать англичан из Индии – вот что слышишь из уст многих, но, кажется, мало кто хорошенько обдумал, зачем это надо... Почему вы хотите изгнать англичан?

Читатель: Потому что Индия стала нищей благодаря их правлению. Год за годом они забирают наши деньги, сохраняют за собой самые важные должности, держат нас в состоянии рабства, обращаются с нами нагло, а с нашими чувствами не считаются.

Редактор: Если бы они не забирали наших денег, стали более уступчивыми и дали нам ответственные посты, вы все еще считали бы их присутствие вредным?

Читатель: Это праздный вопрос. Он похож на вопрос о том, будет ли вред от общения с тигром, если он изме-

нит свой нрав. Такой вопрос – пустая трата времени. Когда тигр изменит свой нрав, тогда и англичане изменят свой. Это невозможно, и было бы нелепо, конечно, если бы люди считали это возможным...

Редактор: Вы хорошо нарисовали картину того, о чем идет речь. В сущности, она означает вот что: мы хотим английское правление без англичан. Вы хотите иметь нрав тигра, но не самого тигра, т. е. вы хотите сделать Индию английской. А когда она станет английской, она будет называться не Индостан, а Англистан. Это не тот сварадж, которого хочу я.

Читатель: Я представил вам сварадж таким, каким он, по-моему, должен быть. Если образование, которое мы получили, на что-нибудь годится, если работы Спенсера, Милля и других имеют какое-то значение и если английский парламент действительно мать парламентов, то я полагаю, что мы должны подражать англичанам и притом в такой степени, чтобы не позволять обосновываться в нашей стране ни им, ни кому бы то ни было, так же, как они никому не позволяют это в своей. Ни в одной стране не было сделано того, что они сделали у себя. Для нас правильным поэтому будет перенять их учреждения. Но теперь я хотел бы узнать ваше мнение.

Редактор: Наберитесь терпения. Моя точка зрения вывится сама собой в ходе нашей беседы. Понять истинную природу свараджа для меня настолько же трудно, насколько вам это кажется легко. Поэтому пока я ограничусь попыткой показать, что истинный сварадж – это не то, что вы называ-

ете свараджем.

Положение Англии

Читатель: Из вашего заявления я делаю вывод, что система управления Англии нежелательна, и нам не стоит ее перенимать.

Редактор: Ваш вывод правилен. Положение Англии в настоящее время плачевно. Я молю бога, чтобы Индия никогда не была в таком жалком положении. Парламент, который вы считаете матерью парламентов, подобен бесплодной женщине и проститутке. Оба слова грубы, но они как раз сюда подходят. Их парламент не сделал еще по своей воле ничего полезного. Поэтому я сравнил его с бесплодной женщиной. Этот парламент таков, что без давления извне он ничего сделать не может. Он похож на проститутку, потому что находится под контролем министров, которые время от времени меняются.

Читатель: Сказано язвительно. Однако выражение «бесплодная женщина» здесь неприменимо. Парламент, будучи избран народом, должен работать под общественным давлением. Это его характерная особенность.

Редактор: Вы ошибаетесь. Давайте исследуем это более тщательно. Предполагается, что народ должен избирать лучших людей. Избиратели считаются образованными людьми, и поэтому следует считать, что они большей частью не долж-

ны делать ошибочный выбор. Такой парламент не должен нуждаться в прищипывании посредством петиций или любого другого средства давления. Его работа должна проходить гладко, чтобы с каждым днем ее результаты становились более очевидными. Но на самом деле общепризнано, что члены парламента лицемерны и эгоистичны. Каждый из них думает только о своих собственных мелких интересах. Боюсь, что это и служит для них главным побуждением. То, что сделано сегодня, может быть уничтожено завтра. Невозможно привести ни единого примера из работы парламента, где можно было бы предсказать окончательное решение. Когда обсуждались важнейшие вопросы, можно было наблюдать, как члены парламента потягивались и дремали. Иногда члены парламента столько болтают, что вызывают у слушателей негодование. Карлейль назвал парламента «мировой говорильней». За свою партию члены парламента голосуют не задумываясь. К этому их обязывает так называемая дисциплина. Если какой-нибудь член парламента в порядке исключения голосует самостоятельно, его считают ренегатом. Если бы деньги и время, растрачиваемые парламентом, были доверены нескольким порядочным людям, английская нация занимала бы сегодня гораздо более высокое положение. Парламент для нации – это просто дорогостоящая игрушка. Это мнение ни в коей мере не принадлежит исключительно мне. Его уже высказывали некоторые великие английские мыслители. Один из членов парламента недавно сказал, что

истинный христианин не может стать парламентарием. Другой сказал, что парламент – младенец. И если он остается младенцем после семи веков существования, то когда же он выйдет из младенческого состояния?

Читатель: Мне нужно над этим подумать. Вы ведь не считаете, что я соглашусь сразу со всем, что вы говорите. Вы изложили мне совершенно новую точку зрения. Мне придется ее переварить. Не объясните ли вы мне теперь, почему вы называли парламент проституткой?

Редактор: Что вы не можете принять мои взгляды сразу, это вполне понятно. Если вы читаете литературу по этому предмету, у вас будет некоторое представление на этот счет. У парламента нет настоящего хозяина. Даже когда есть хозяин – премьер-министр, все равно парламент бросает из стороны в сторону, как проститутку. Премьер-министр больше заботится о своей власти, чем об удовлетворительной работе парламента. Всю свою энергию он тратит на то, чтобы обеспечить успех своей партии. Он не всегда заботится о том, чтобы парламент поступал справедливо. Известны премьер-министры, которые заставляли парламент действовать только к выгоде партии. Обо всем этом стоит подумать.

Читатель: Значит, в действительности вы нападаете на тех, кого до сих пор мы считали патриотичными и честными людьми?

Редактор: Да, это правда. Я ничего не имею против премьер-министров, но то, что я видел, наводит меня на мысль,

что их нельзя считать настоящими патриотами. Если следует их считать честными потому, что они не берут то, что обычно называют взятками, пусть они считаются таковыми, но на них можно влиять более утонченными средствами. Для достижения своих целей они несомненно подкупают людей почестями. Я не колеблясь говорю, что у них нет ни подлинной честности, ни настоящей совести.

Читатель: Поскольку у вас такие взгляды на парламент, я хотел бы послушать, что вы скажете об английском народе, чтобы знать ваше мнение о его правительстве.

Редактор: Для английских избирателей их газеты являются Библией. Они руководствуются газетами, которые часто нечестны. Один и тот же факт по-разному толкуется различными газетами в зависимости от того, в интересах какой партии они издаются. Одна газета считает какого-нибудь великого англичанина образцом честности, другая считает его бесчестным. Каково же положение народа, у которого такие газеты?

Читатель: Расскажите же о нем.

Редактор: Этот народ часто меняет свои взгляды. Говорят, он меняет их каждые семь лет. Его взгляды колеблются, как маятник, и никогда не бывают устойчивыми. Народ пойдет за хорошим оратором или человеком, который устраивает для него вечера, приемы и т. п. Каков народ, таков и его парламент. Одно качество у англичан, конечно, очень сильно развито. Они никогда не дадут своей стране погибнуть. Ес-

ли кто-нибудь косо посмотрит на их страну, они выцарапают ему глаза. Но это не означает, что английская нация обладает всеми другими достоинствами и что ей следует подражать. Если Индия будет копировать Англию, то, в этом я твердо убежден, она погибнет.

Читатель: Чему вы приписываете такое положение в Англии?

Редактор: Оно не вызывается какими-то особыми недостатками английского народа, такое положение обусловлено современной цивилизацией. От истинной цивилизации у нее только название. При такой цивилизации народы Европы с каждым днем приходят в упадок и гибнут.

Цивилизация

Читатель: Теперь вам придется объяснить, что вы понимаете под цивилизацией.

Редактор: Вопрос не в том, что я под этим понимаю. Некоторые английские писатели отказываются называть цивилизацией то, что выступает под этим названием. На эту тему было написано много книг. Были созданы общества для излечения нации от зол цивилизации.

Читатель: Почему мы обычно не знаем этого?

Редактор: Ответ очень прост. Мы редко встречаем людей, которые выступали бы против самих себя. Люди, отравленные современной цивилизацией, едва ли будут писать про-

тив нее. Они заботятся о том, чтобы отыскать факты и аргументы в ее поддержку, и это они делают бессознательно, веря, что она и есть истинная цивилизация. Человек, пока он спит, верит в свой сон; заблуждение прекращается только тогда, когда он пробуждается. Человек, отравленный цивилизацией, подобен спящему. То, что мы обычно читаем, это книги защитников современной цивилизации. Среди ее приверженцев несомненно есть выдающиеся и даже очень хорошие люди. Их произведения нас гипнотизируют. И вот таким образом нас, одного за другим, затягивает в водоворот.

Читатель: Это кажется очень правдоподобным. Теперь расскажите мне, пожалуйста, что вы читали и думали об этой цивилизации.

Редактор: Давайте прежде всего рассмотрим, какой порядок вещей определяется словом «цивилизация». Ее подлинным критерием является тот факт, что люди, живущие в цивилизованном мире, ставят своей целью в жизни физическое благополучие. Приведем несколько примеров. Европейцы живут сегодня в домах, построенных лучше, чем сотню лет назад. Этот факт символизирует цивилизацию, и он также является средством повышения физического благополучия. Прежде одеждой служили шкуры, а оружием – копья. Теперь носят длинные брюки и различную другую одежду для украшения тела, а вместо копий применяют револьверы с пятью патронами или даже больше. Если народ какой-нибудь страны, где до настоящего времени не было обыкнове-

ния носить много платья, ботинки и т. п., перенимает европейскую одежду, то считается, что он вышел из состояния дикости и стал цивилизованным. Прежде в Европе люди пахали землю главным образом вручную. Ныне с помощью парового двигателя один человек может вспахать огромную полосу земли и таким образом накопить большие богатства. Это называют показателем цивилизации.

Прежде только немногие писали книги и притом ценные. Теперь кто угодно пишет и печатает все, что ему угодно, и отравляет умы людей. Прежде люди путешествовали в повозках. Теперь они мчатся в поездах со скоростью четыреста или больше миль в день. Это считается вершиной цивилизации. Установлено, что по мере прогресса человечества люди смогут путешествовать на воздушных кораблях и достигать любой части земного шара за несколько часов. Людям не нужно будет использовать свои руки и ноги. Они нажмут кнопку— и одежда окажется у них под рукой. Они нажмут другую кнопку — и получают газету, третью — и их будет ждать автомобиль. У них будет разнообразная, искусно сервированная пища. Все будет делаться машинами. Прежде, когда люди сражались друг с другом, они мерились своей физической силой, теперь же один человек, стреляя из пушки с холма, может лишить жизни тысячи людей. Это цивилизация.

Прежде люди работали на открытом воздухе столько, сколько им хотелось. Теперь тысячи рабочих собираются вместе и работают на фабриках и в шахтах, чтобы добыть

средства к существованию. Условия их жизни хуже, чем у животных. Рискую своей жизнью, они вынуждены работать на миллионеров, выполняя самые опасные работы. Прежде люди делались рабами в силу физического принуждения. Теперь их поработщают соблазн денег и роскошь, приобретаемая за деньги. Ныне существуют болезни, о которых люди раньше не имели представления, и целая армия врачей занята поисками средств их лечения, соответственно растет число больниц. Это мерило цивилизации. Прежде требовались специальные посылы и большие расходы для отправки писем; ныне каждый может оскорбить своего собрата посредством письма, которое обойдется ему в одно пенни. Правда, за ту же цену он может также послать и свою благодарность. Прежде питались два-три раза в день, и пища состояла из домашнего хлеба и овощей; теперь нужна какая-нибудь еда через каждые два часа, так что едва ли остается свободное время на что-нибудь другое.

Что мне еще прибавить? Во всем этом вы можете убедиться, прочтя несколько авторитетных книг. Все это подлинные критерии цивилизации. И если кто-нибудь утверждает обратное, знайте, что он невежда. Эта цивилизация не принимает во внимание ни мораль, ни религию. Ее приверженцы спокойно заявляют, что обучение религии не их дело. Некоторые даже считают, что религия – это продукт суеверия. Другие же рядятся в религиозные облачения и болтают о морали. Однако в результате двадцатилетнего опыта я

пришел к выводу, что под именем морали часто преподается безнравственность. Даже ребенок поймет, что во всем, что я описал выше, не может быть никаких побуждений к морали.

Цивилизация стремится к увеличению комфорта для людей, но, к несчастью, она терпит позорную неудачу даже в этом. Эта цивилизация – отрицание религии, и она настолько захватила народы Европы, что они кажутся полусумасшедшими. Они утратили настоящую физическую силу и мужество, Они поддерживают свою энергию с помощью опьянения. Они вряд ли могут быть счастливы в одиночестве...

Эта цивилизация такова, что она разрушится сама собой, нужно только иметь терпение. Согласно учению Мухаммеда ее следует считать сатанинской цивилизацией. Индуизм называет ее черным веком. Я не могу дать вам адекватного понятия о ней. Она въедается в жизненно важные органы английской нации. Ее нужно избегать.

Парламенты – это настоящие символы рабства. Если вы в достаточной мере подумаете об этом, то у вас составит такое же мнение и вы перестанете осуждать англичан. Они заслуживают скорее нашего сочувствия. Они – умная нация, и поэтому я верю, что они отбросят зло. Они предприимчивы и трудолюбивы, а их склад мышления не безнравственный от природы. В глубине души они неплохие люди, поэтому я уважаю их. Цивилизация не является неизлечимой болезнью, но никогда не следует забывать, что английский народ

в настоящее время ею поражен.

Почему была утрачена Индия?

Читатель: Вы много рассказали о цивилизации – достаточно, чтобы заставить меня размышлять над этим. Я не знаю, что из опыта европейских наций я должен принять и чего я должен избегать, но один вопрос напрашивается уже сейчас. Если цивилизация – болезнь и Англия подвержена ей, то почему Англия сумела завладеть Индией и удерживать ее?

Редактор: На ваш вопрос нетрудно ответить, и сейчас мы в состоянии рассмотреть истинный характер свараджа, ибо я сознаю, что я еще должен ответить на этот заданный вами ранее вопрос. Вернусь, однако, к вопросу, поставленному вами сейчас. Англичане не завладели Индией, мы им отдали ее. Они находятся в Индии не благодаря своей силе, а потому, что мы держим их здесь. Посмотрим теперь, подтверждается ли это мое заявление. Первоначальной целью англичан, когда они прибыли в нашу страну, была торговля. Вспомните могущество Ост-Индской компании. Кто сделал ее могущественной? В то время у англичан не было ни малейшего намерения установить здесь королевство. Кто помогал чиновникам Компании? Кто соблазнился их серебром? Кто покупал их товары? История говорит, что все это делали мы. Чтобы сразу разбогатеть, мы стали принимать чиновников Ком-

паний с распростертыми объятиями. Мы помогали им.

Если я имею привычку курить гашиш, а торговец гашишем продает его мне, кого я должен обвинять, себя или его? Смогу ли я избавиться от этой привычки, обвиняя торговца? Если один торговец будет изгнан, не займет ли его место другой? Истинный слуга Индии должен добраться до сути вопроса. Если невоздержанность в пище вызвала у меня расстройство желудка, я, конечно, не отделаюсь от него, сваливая вину на воду. Настоящий врач – тот, кто исследует причину болезни. И если вы выступаете как врач, желающий вылечить болезнь Индии, вам придется выяснить ее действительную причину.

Читатель: Вы правы. Думаю, вам не придется со мною спорить, чтобы убедить меня. Я с нетерпением жду дальнейшего изложения ваших взглядов. Мы остановились теперь на самой интересной теме. Я попытаюсь поэтому следить за вашей мыслью и остановлю вас, когда у меня возникнут сомнения.

Редактор: Боюсь, что, несмотря на ваше рвение, когда мы пойдем дальше, у нас выявятся различия во взглядах. Тем не менее я буду спорить только тогда, когда вы меня остановите. Мы уже видели, что английские купцы смогли закрепиться в Индии, потому что мы поощряли их. Когда наши князья сражались друг против друга, они искали помощи у могущественной Компании. Эта корпорация была одинаково опытна и в коммерции и в войне. Ее не стесняли моральные сооб-

ражения. Ее цель была – расширять торговлю и делать деньги. Она принимала нашу помощь и увеличивала число товарных складов. Для их охраны она держала армию, которую мы также использовали.

Стоит ли обвинять англичан за то, что мы делали в то время? Индусы и мусульмане были тогда друг с другом на ножах. Это также благоприятствовало Компании, и, таким образом, мы сами создали условия, которые обеспечили Компании контроль над Индией. Поэтому будет более правильным сказать, что мы не утратили Индию, а сами отдали ее англичанам.

Читатель: Не скажете ли вы мне теперь, почему они способны удерживать Индию?

Редактор: Причины, благодаря которым они получили Индию, делают их способными и удерживать ее. Некоторые англичане говорят, что они овладели Индией и удерживают ее мечом. Оба эти утверждения ложны. Меч совершенно бесполезен для удержания Индии. Только мы удерживаем их. Говорят, что Наполеон назвал англичан нацией торгашей. Это верное определение. Все свои доминионы они держат ради торговли с ними, а их армия и флот предназначены для ее защиты. Когда в отношении торговли Трансвааль не представлял собой ничего заманчивого, покойный м-р Гладстон сказал, что было бы несправедливо, если бы англичане владели им. Когда эта страна стала выгодным торговым предприятием, ее сопротивление англичанам привело к вой-

не. М-р Чемберлен вскоре открыл, что Англия пользовалась сюзеренитетом над Трансваалем. Рассказывают, что кто-то спросил покойного президента Крюгера, есть ли золото на луне. Он ответил, что это в высшей степени маловероятно, ибо, если бы оно там было, англичане захватили бы луну.

Можно решить много проблем, если помнить, что деньги – их бог. Отсюда следует, что мы удерживаем англичан в Индии ради наших низменных эгоистических интересов. Нам нравится их торговля, они ловко угождают нам и получают от нас то, что хотят. Порицать их за это – значит увековечивать их власть. Мы еще больше укрепляем их власть, ссорясь между собой.

Если вы согласитесь с изложенными выше положениями, то можно считать доказанным, что англичане пришли в Индию с целью торговать. Они остаются в ней для той же цели, и мы помогаем им в этом, а их оружие и боеприпасы совершенно излишни. В этой связи я напому вам, что в Японии развевается британский, а не японский флаг. Англичане заключили договор с Японией ради торговли, и вы увидите, что, если им удастся, они весьма значительно расширят торговлю в этой стране. Они хотят превратить весь мир в обширный рынок для своих товаров. Верно и то, что они не могут этого сделать, но винить за это следует не их. Они не пожалеют никаких усилий, чтобы достигнуть этой цели.

Что такое подлинная цивилизация?

Читатель: Вы осуждаете железные дороги, адвокатов и врачей. Вижу, что вы хотите отвергнуть также все машины. Тогда что же такое цивилизация?

Редактор: Ответ на этот вопрос нетруден. Я верю, что цивилизация, которая развилась в Индии, не может пройти бесследно в этом мире. Ничто не может сравниться с семенами, брошенными нашими предками. Рим исчез, Греция разделила ту же судьбу, могущество фараонов было сломлено, Япония подпала под влияние Запада, о Китае нечего сказать, но Индия, так или иначе, все еще в своей основе здорова. Европейцы учатся по произведениям Греции и Рима – стран, которые лишились теперь своей былой славы. Стремясь учиться у них, европейцы воображают, что они сумеют избежать ошибок Греции и Рима. Их положение плачевно.

В то же время Индия остается неизменной, и в этом ее слава. Индию обвиняют в том, что ее народ настолько нецивилизован, невежествен и флегматичен, что невозможно побудить его к каким-либо переменам. В действительности это обвинение направлено против наших достоинств. Мы не осмеливаемся менять то, что мы испытали практикой и нашли истинным. Многие навязывали Индии свои советы, но она остается непоколебимой. В этом ее красота, это ее якорь спасения.

Цивилизация – это такое поведение, которое указывает человеку путь долга. Исполнение долга и соблюдение морали – взаимозаменяемые понятия. Соблюдать правила морали – значит господствовать над своими мыслями и страстями. Поступая так, мы познаем самих себя. По-гуджаратски слово «цивилизация» означает «хорошее поведение». Если это определение правильно, как показали очень многие писатели, тогда Индии нечему учиться у кого бы то ни было, и так и должно быть. Мы знаем, что ум – это беспокойное создание; чем больше он получает, тем большего он хочет и всегда остается неудовлетворенным. Чем больше мы потворствуем нашим страстям, тем более необузданными они становятся. Поэтому наши предки поставили предел потворству слабостям. Они понимали, что счастье, это главным образом состояние ума. Не обязательно человек счастлив, когда он богат, или несчастлив, когда он беден. Мы часто видим, что богачи несчастны, а бедняки счастливы. Миллионы людей всегда будут бедными. Видя все это, наши предки отучали нас от роскоши и наслаждений. Мы обходимся таким же плугом, как и тысячи лет назад. У нас такие же хижины, какие были в прежние времена, и наше национальное воспитание остается таким же, как и прежде. В нашем жизненном укладе не было соперничества, которое отравляет существование. Каждый занимался своим делом или ремеслом и получал положенную плату.

Дело не в том, что мы не знали, как изобрести машины, но

наши предки знали, что, если мы будем к этому стремиться, мы станем рабами и утратим наш моральный облик. Поэтому после долгого размышления они решили, что мы должны делать только то, что мы можем сделать нашими руками и ногами. Они понимали, что наше подлинное счастье и здоровье состоит в должном использовании рук и ног. Они рассудили далее, что большие города – это западня и бесполезная обуза и что в них люди не будут счастливы, так как там появятся банды воров и грабителей, будут процветать проституция и пороки и богачи станут обирать бедных. Поэтому наших предков удовлетворяли небольшие деревни. Они знали, что сила оружия королей уступает силе нравственности, и поэтому земных монархов они ставили ниже мудрецов и аскетов.

Нации с такими качествами более подходит учить других, чем самой учиться у них. У этой нации были суды, адвокаты, врачи, но число их было ограничено. Каждый знал, что эти профессии не являются чем-то исключительным. Кроме того, эти вакилы и вайды не грабили народ, они считались слугами народа, а не его господами. Правосудие было в достаточной степени беспристрастным. Обычно придерживались правила не обращаться в суды. Не было людей, которые увлекались бы в суды. Это зло, так же как и другие, замечалось только в столичных городах и близ них. Простые люди жили самостоятельно и занимались земледелием. У них было подлинное самоуправление. И Индия в той ее части, на которую

не распространилась эта проклятая современная цивилизация, остается такой же, как прежде. Жители этой части Индии будут справедливо смеяться над вашими новомодными понятиями. Англичане не правят ими, так же как и вы никогда ими править не будете. Мы не знаем тех, от чьего имени говорим, так же как и они не знают нас. Я бы определенно посоветовал вам и людям, которые, подобно вам, любят родину, отправиться в ее внутренние области, еще не оскверненные железными дорогами, и пожить там полгода. Вы стали бы тогда патриотами и могли бы говорить о самоуправлении.

Теперь вы знаете, что я понимаю под настоящей цивилизацией. Те, кто хочет изменить условия, которые я описал, – враги страны и грешники.

Читатель: Все было бы хорошо, если бы Индия была точно такой, как вы ее описали; но ведь страна, где существуют сотни девочек-вдов, где женят двухлетних детей, где двенадцатилетние девочки становятся матерями и хозяйками, где практикуется многожурье, где в обычае практика нийюги, где во имя религии девушки посвящают себя проституции, где во имя религии режут баранов и коз, – это тоже Индия. Считаете ли вы и это символами той цивилизации, которую вы описали?

Редактор: Вы ошибаетесь. Указанные вами недостатки и есть недостатки. Никто не принимает их за древнюю цивилизацию. Они сохраняются вопреки ей. Всегда были и будут

попытки устранить их. Мы можем использовать новый дух, который в нас возник, для очищения от этих зол. Но то, что я вам описывал как символы современной цивилизации, признается в качестве таковых ее приверженцами. Индийская цивилизация была описана мной так, как ее описывали ее приверженцы. Ни в какой части мира и ни при какой цивилизации люди не достигали совершенства. Индийская цивилизация стремится возвысить нравственное существование, а западная цивилизация – распространить безнравственность. Западная цивилизация безбожна, индийская же основана на вере в бога. Понимая это и веря в это, каждый, кто любит Индию, должен прильнуть к древней индийской цивилизации, как дитя к материнской груди.

Заключение

Читатель: Узнав ваши взгляды, я прихожу к выводу, что вы могли бы создать третью партию. Ведь вы не крайний и не умеренный.

Редактор: Это заблуждение. Я совсем не думаю о третьей партии. Мы не думаем ведь все одинаково. Мы не можем сказать, что все умеренные придерживаются одинаковых взглядов. И как те, чья единственная цель – приносить пользу, могут иметь партию? Я мог бы принести пользу и умеренным и крайним. А в тех случаях, когда я расходился бы с ними, я почтительно изложил бы им свою точку зрения и продолжал

бы заниматься своим делом.

Читатель: Что бы вы тогда сказали обеим партиям?

Редактор: Я бы сказал крайним: «Я знаю, что вы хотите для Индии самоуправления. Но тщетно вы будете его просить — так вы его не получите. Каждому придется самому добиваться свараджа. То, что другие могут получить для меня, это не самоуправление, а чужое управление; поэтому было бы неверно, если бы вы сказали, что получили сварадж, просто изгнав англичан. Я уже описал подлинную природу самоуправления. Вы никогда его не достигнете силой оружия. Грубая сила несвойственна Индии. Вам, следовательно, придется положиться целиком на силу духа. Вы не должны думать, что на каком-либо этапе нужна сила для достижения нашей цели».

Умеренным я бы сказал: «Заниматься только подачей петиций унижительно; вы тем самым признаете свое подчиненное положение. Сказать, что британское правление необходимо — это почти равносильно отрицанию божественного начала. Мы не можем сказать, что кто-нибудь или что-нибудь, кроме бога, необходимо. Кроме того, здравый смысл должен был бы подсказать: заявлять теперь, что присутствие англичан в Индии необходимо, значит делать их тщеславными. Если англичане со всеми пожитками покинут Индию, не следует полагать, что Индия потерпит урон. Возможно, что люди, которые вынуждены соблюдать мир под давлением англичан, после их ухода начнут борьбу. Нет смысла сдерживать из-

вержение вулкана, — оно должно произойти. Следовательно, если прежде чем мы сможем жить в мире, нам суждено бороться между собой, лучше, чтобы мы так и поступили. Нет никаких оснований для того, чтобы третья партия защищала слабого. Именно эта так называемая защита расслабила нас. Такая защита может сделать слабого лишь еще слабее.

Если мы не поймем этого, у нас не может быть самоуправления. Перефразируя мысль одного английского богослова, скажу, что анархия при самоуправлении лучше, чем упорядоченное правление иностранцев. Только смысл, который ученый богослов придавал самоуправлению, отличен от моего понимания индийского самоуправления. Мы должны знать сами и научить других, что мы не хотим тирании ни английского, ни индийского управления». Если бы это осуществилось, тогда и крайние и умеренные могли бы объединиться. Нет никаких причин бояться друг друга или не доверять друг другу.

Читатель: Что же тогда сказали бы вы англичанам?

Редактор: Им бы я почтительно сказал: «Я признаю, что вы мои правители. Нет необходимости обсуждать вопрос, удерживаете ли вы Индию с помощью меча или с моего согласия. У меня нет никаких возражений против того, чтобы вы оставались в моей стране, но хотя вы и правители, вам придется остаться в качестве слуг народа. Не мы должны поступать так, как вы хотите, а вы должны поступать так, как хотим мы. Вы можете сохранить богатства, которые выкача-

ли из нашей страны, но вам не разрешается выкачивать их впредь. Вашей функцией будет, если вы захотите, управление Индией, но вы должны оставить мысль об извлечении из нашей страны коммерческой прибыли.

Мы считаем, что цивилизация, которую вы поддерживаете, есть прямая противоположность истинной цивилизации. Мы считаем, что наша цивилизация намного выше вашей. Если вы признаете эту истину, это пойдет вам на пользу, если же нет, то согласно вашей же пословице, вам следовало бы вести в нашей стране такой же образ жизни, какой ведем мы...

До сих пор мы ничего не говорили, потому что были запуганы, но вы не должны думать, что вы своим поведением не оскорбляете наших чувств. Мы выражаем наши чувства не из низменных эгоистических интересов или страха, а потому что наш долг сейчас – говорить смело. Мы считаем ваши школы и суды бесполезными. Мы хотим, чтобы были восстановлены наши старинные школы и суды. Общий язык для Индии – хинди, а не английский. Следовательно, вы должны изучать его. Мы можем общаться с вами только на нашем национальном языке.

Для нас непереносима мысль, что вы тратите деньги на железные дороги и армию. У вас нет никаких оснований поступать так. Вы, может быть, боитесь России, но мы не боимся ее. Если она придет, мы за ней присмотрим. Если вы будете с нами, мы сможем принять ее совместно...

Вероятно, опьяненные своей властью, вы посмеетесь над всем этим. Возможно, мы не сможем сразу вас разуверить, но если у нас сохранится хоть сколько-нибудь мужества, вы скоро увидите, что ваше опьянение губительно и что ваши насмешки на наш счет — это помрачение ума...

Вы можете остаться в Индии только при условии, что вы полностью удовлетворите наши требования, и, если вы останетесь на этих условиях, мы научимся кое-чему от вас, а вы многому научитесь от нас. Поступая так, мы принесем пользу друг другу и всему миру. Но это случится только в том случае, если корнями наши отношения будут уходить в религиозную почву».

Читатель: Что вы скажете нации?

Редактор: А что такое нация?

Читатель: Для наших целей, это та нация, о которой мы с вами думали, т. е. те из нас, которые подвержены влиянию европейской цивилизации и страстно стремятся получить самоуправление.

Редактор: Этим людям я бы сказал: «Только те индийцы, которые проникнуты подлинной любовью, смогут говорить с англичанами так, как указано выше, не испытывая чувства страха; а сказать, что индийцы проникнуты любовью, можно только о тех, которые сознательно верят, что индийская цивилизация — самая лучшая, а европейская цивилизация — это только «злоба дня». Такие эфемерные цивилизации часто приходили и уходили, так будет и впредь. Проникнутыми

любовью индийцами можно считать только тех, кто, испытав свою силу духа, не съезжится от страха перед грубой силой и ни в коем случае не пожелает применять грубую силу. Проникнутыми любовью индийцами можно считать только тех, кто, уже испив чашу яда, испытывает глубокую неудовлетворенность существующими жалкими условиями жизни.

(Главы из брошюры М. Ганди «Хинд сварадж»)

Как добиться победы

Внедрить в народ идею

...Мои взгляды не во всем совпадают с общепринятыми. В некоторых отношениях они им даже прямо противоположны. При таких условиях я вряд ли имею право занимать то привилегированное положение, в котором я сейчас нахожусь. Председатель собрания обычно говорит от его имени. Я не могу на это претендовать: только ваша любезность даст мне столь исключительную возможность изложить мои взгляды перед гуджаратской публикой. Я не вижу ничего плохого в том, чтобы взгляды эти стали предметом критики, возражений и даже пламенного протеста, я хотел бы, чтобы они подверглись свободному обсуждению. Я только хотел бы отметить, что они сложились у меня не сегодня и не вчера, а уже много лет тому назад. Я предан им, и опыт, почерпнутый в Индии за два с половиной года, не изменил их.

Я поздравляю инициаторов предложения о созыве этой конференции, а также тех друзей, которые осуществили его. Это чрезвычайно важное событие в Гуджарате, и мы можем сделать так, чтобы оно дало чрезвычайно важные результаты. Эта конференция нечто вроде закладки фундамента. Если фундамент будет заложен как следует, то нам не придет-

ся опасаться за судьбу надстройки. Так как эта конференция является началом дела, то на ней лежит большая ответственность, и я молю бога, чтобы он осенил нас мудростью и чтобы совещания наши пошли на пользу народу.

Как правило, конференции после их окончания не оставляют исполнительных органов, но даже если такие органы создаются, то они состоят из любителей. Для того чтобы резолюции таких конференций имели нужный эффект, требуются люди, которые специально занимались бы проведением их в жизнь. Когда такие люди появятся в большом количестве, тогда и только тогда подобные конференции могут принести пользу стране и дать длительные результаты. В настоящее время здесь в значительной степени энергия расходуется впустую. Желательно, чтобы было много учреждений типа «Общества слуг Индии». Только когда в большом количестве появятся люди, воодушевленные пламенной верой, что служение обществу есть высшая форма религии, только тогда мы можем рассчитывать на большие достижения...

Слово «сварадж» гулко разносится по всей Индии. Говорить, что для получения «свараджа» нужна грамотность, — значит не знать истории. Чтобы внедрить в народ идею, что мы должны сами управлять своими делами, грамотности не требуется. Здесь существенно, чтобы такая идея воспринималась народом: народ должен желать «свараджа». Сотни неграмотных королей успешно правили своими королевствами...

Я не желаю вдаваться в статистику. Для меня достаточно того, что я вижу собственными глазами. Нищета в Индии усугубляется с каждым днем. И это неизбежно. Страна, экспортирующая свое сырье и ввозящая его обратно в обработанном виде, страна, которая несмотря на то, что она имеет собственный хлопок, платит миллионы рупий за импортные ткани, неизбежно должна быть бедной. Нищета страны должна беспрерывно усиливаться, если высоко оплачиваемые чиновники расходуют свое жалованье за границей.

Странствуя по Индии, я редко где встречал радостные лица. Средние классы стонут под тяжестью ужасной нужды, положение низших классов безнадежно. Они не знают светлого дня...

Национальные расходы возросли, а доход не увеличился. Правительство не умышленно создало такое положение. Я верю в чистоту его намерений. Оно честно убеждено, что благоденствие нации с каждым днем возрастает. Правительство непоколебимо верит в свои синие книги. Но при помощи статистики можно доказать что угодно.

Экономисты на основании статистических данных приходят к выводу, что Индия процветает, но люди вроде меня, которые подходят к цифрам с житейской точки зрения, качают головой по поводу статистических данных, содержащихся в синих книгах. Если бы даже сами боги снизошли на землю и утверждали противное, я продолжал бы настаивать, что по моим впечатлениям Индия становится все беднее.

Что же мог бы сделать в таком случае наш парламент? Если бы мы имели его, то мы имели бы право совершать ошибки и исправлять их. На первых порах мы неизбежно делали бы ошибки, но так как мы дети своей страны, то мы, не тратя лишнего времени, поспешили бы исправить их. Поэтому мы быстро нашли бы средство против бедности: наше существование не зависело бы тогда от ланкаширских фабрикантов, нам не пришлось бы тогда тратить невероятные богатства на столицу индийской империи – Дели. Между последней, с одной стороны, и крестьянской хижинкой, с другой, установилось бы тогда некоторое соответствие, так же как между хижинкой и домом парламента. Мы должны потребовать «сварадж» от нашей собственной демократии. Мы должны апеллировать к ней. Если индийское крестьянство поймет, что такое «сварадж», то это требование сметет все преграды. Если бы образованные классы Индии могли принять широкое участие в войне, я убежден, что мы не только уже достигли бы нашей цели, но и предоставление нам автономии произошло бы в совершенно исключительной форме.

Наша подготовленность к самоуправлению проявляется в том, что мы в настоящее время настойчиво требуем «свараджа» и прониклись убеждением, что бюрократия отжила свое время, хотя она и служила Индии с чистыми намерениями. Такая подготовка достаточна для той задачи, которую мы себе ставим. Без «свараджа» в Индии не может быть мира. Но если мы ограничим нашу деятельность, направленную

на завоевание самоуправления, тем, что только будем устраивать собрания, то мы, пожалуй, только нанесем ущерб нации. Собрания и речи уместны в свое время, но они еще не создают нации. В нации, охваченной стремлением к самоуправлению, должно наблюдаться пробуждение во всех областях жизни. Первый шаг к свараджу дело отдельной личности. Великая истина «положение отдельной личности определяет судьбу вселенной» применима и здесь. Если нас постоянно раздражают внутренние конфликты, если мы постоянно сбиваемся с пути, если вместо того чтобы управлять нашими страстями, мы позволяем им управлять нами, то «сварадж» не может иметь для нас никакого значения. Поэтому управление самим собой есть первая ступень подготовки к «свараджу».

Затем семья. Если в наших семьях царит раздор, если братья враждуют между собой, если объединенные семьи, т. е. семьи, пользующиеся самоуправлением, раскалываются из-за семейных ссор, и если мы оказываемся неподготовленными даже для такого ограниченного «свараджа», то как же можно нас считать подготовленными для более широкого «свараджа».

...Теперь возьмем жизнь в городах. Если мы не можем упорядочить городские дела, если мы не можем держать наши улицы в чистоте, если наши дома разрушаются и наши дороги портятся, если мы не можем обеспечить себе самоотверженные услуги граждан для нужд городского самоуправ-

ления, если те, кому поручены городские дела, относятся к ним небрежно или эгоистично, то как можем мы требовать более широких прав. Путь к национальной жизни ведет через организацию городской жизни. Здесь будет уместно сказать, что движение «свадеши» находится в ненормальном состоянии. Мы не отдаем себе достаточного отчета в том, что «сварадж» почти всецело может быть достигнут при помощи «свадеши». Если мы не проявляем достаточного внимания к народному языку, если мы не любим наших тканей, если в нас вызывает отвращение наша одежда, если мы стыдимся носить священную «шика», если наша пища нам не нравится, если наш климат нам кажется недостаточно хорошим, если народ наш кажется нам неотесанным и непригодным для нашего общества, если наша цивилизация кажется нам ложной, а иностранная – привлекательной, коротко говоря, если все родное нам кажется скверным, а все иностранное – заманчивым, тогда я не знаю, какое значение может иметь для нас «сварадж». Если надо принимать все иностранное, то, конечно, необходимо будет еще долго оставаться под чужеземной опекой, потому что иностранная цивилизация еще не проникла в массы.

Мне кажется, что прежде чем мы сумеем как следует понять «сварадж», мы должны не только любовно, но и страстно относиться к «свадеши». Каждое из наших действий должно носить на себе отпечаток «свадеши». «Сварадж» может быть построен только на предположении, что все нацио-

нальное в общем и целом является здоровым. Если это мнение правильно, то можно с большой силой повести движение в пользу «свадеши».

Излагая эти соображения, я не хочу сказать, что мы должны хранить как сокровища наши ошибки. Но следует держаться национального, даже если оно сравнительно менее приятно, чем чужое, и избегать чужого даже если оно более приятно, чем свое собственное. То, чего не хватает нашей цивилизации, может быть достигнуто нашими собственными усилиями. Я надеюсь, что дух «свадеши» овладеет всеми членами этого собрания и что мы осуществим наш обет в отношении «свадеши», несмотря на большие затруднения и неудобства. Тогда легко будет добиться и «свараджа».

Изложенное показывает, что наше движение должно носить двоякий характер. Мы можем обращаться с петициями к правительству, агитировать в индийском совете за наши права, но для действительного пробуждения народа более важное значение имеет внутренняя деятельность. Внешняя деятельность окрашивается до известной степени лицемерием и эгоизмом. Во внутренней деятельности такая катастрофическая опасность угрожает в меньшей степени.

Иногда приходится слышать. «Пусть только управление Индией перейдет в наши руки, и все пойдет хорошо». Трудно себе представить большее суеверие. Ни одна нация не достигла таким образом своей независимости. Роскошь весны видна на каждом дереве, весной вся земля насыщена юно-

пешской свежестью. Точно так же, если дух «свараджа» действительно овладеет обществом, то посторонний, внезапно попавший в нашу среду, заметит энергию в каждом проявлении жизни и найдет всех слуг нации занятыми различной общественной деятельностью в зависимости от способностей каждого.

Образованные классы являются сторонниками «свараджа» и должны слиться с нацией. Мы не имеем права отвергать ни одного члена нашей общины. Мы будем преуспевать только в том случае, если поведем за собой всех.

(Из речи М. Ганди при открытии Первой гуджаратской политической конференции 3 ноября 1917 г.)

Гражданское неповиновение

...Братья, события, совершившиеся за последние несколько дней, были крайне позорны для Ахмедабада, а так как все это делалось от моего имени, то я испытываю чувство стыда и те, кто несет ответственность за эти события, вместо того чтобы оказать мне честь, опозорили меня. Если бы мое тело проткнули шпагой, я вряд ли испытывал бы больше страданий. Я бесчисленное множество раз говорил, что сатьяграха (ненасильственная политическая борьба) не допускает грабежей и поджогов, а между тем во имя сатьяграхи вы сжигали здания, силой захватывали оружие, вымогали день-

ги, останавливали поезда, срезали телеграфную проволоку, убивали невинных людей, грабили лавки и дома, принадлежащие частным лицам.

Эти дела ни в какой мере не пошли на пользу народу. Они не принесли ничего, кроме вреда. Сожженные здания представляли собой общественную собственность и их, разумеется, придется отстроить за ваш счет. Убытки, причиненные магазинам, которые остаются закрытыми, являются тоже вашими убытками. Террор, господствующий в городе вследствие военного положения, тоже является результатом примененного вами насилия...

Пред нами двоякая обязанность. Во-первых, мы должны твердо решить воздерживаться от всякого насилия, во-вторых, мы должны покаяться в наших грехах. Пока мы не раскаялись и не осознали своих ошибок и открыто и всенародно не исповедались в них, мы не изменим по-настоящему нашего поведения. Первым шагом здесь должно быть следующее: те из нас, кто захватил оружие, должны его вернуть. Далее в доказательство того, что мы действительно раскаялись, мы должны пожертвовать каждый не менее восьми ана в пользу семейств лиц, убитых по нашей вине, и хотя никакие денежные жертвования не могут уничтожить результатов ужасных деяний, совершенных за последние несколько дней, но все же наши жертвования будут некоторым доказательством нашего раскаяния. Я надеюсь, что никто не уклонится от этих жертвований под предлогом того, что

он не принимал участия в этих дурных деяниях, потому что, если бы те, кто не участвовал в них, отважно выступали для устранения беззакония, то чернь наткнулась бы на препятствия в своих действиях и сразу поняла бы, как дурно она поступает.

Я позволю себе сказать, что если бы вместо того, чтобы со страху давать деньги черни, мы двинулись бы на защиту зданий и на спасение невинных, не боясь смерти, то мы бы имели успех. Пока у нас не будет такой смелости, до тех пор злодеи всегда будут пытаться запугать нас и заставить участвовать в их злодеяниях. Страх перед смертью одновременно лишает нас доблести и религии, ибо отсутствие доблести есть отсутствие религиозной веры. Поскольку мы мало сделали для прекращения насилия, мы все являемся соучастниками в греховных деяниях, которые были совершены, и поэтому мы должны внести нашу скромную лепту в знак нашего раскаяния. Каждая группа может сама устроить у себя сбор денег, а собранные через сборщика передать мне. Я рекомендовал бы также, если это возможно, в течение суток поститься, что было бы некоторым искуплением за эти грехи. Пост надо соблюдать в домашнем порядке и незачем толпами ходить к омовению.

Я обратил ваше внимание на то, что, по-моему, является вашим долгом. Теперь я должен подумать о моем собственном долге. Моя ответственность в миллион раз больше вашей. Я предложил народу принять сатьяграху, и я жил в ва-

шей среде в течение четырех лет. Я оказал также некоторые услуги Ахмедабаду, и гражданам его должны быть более или менее известны мои взгляды. Утверждают, что я без достаточного разбора убеждал тысячи людей присоединиться к движению. Я признаю, что это утверждение до известной степени правильно, но только до известной степени. Всякий может сказать, что если бы не было кампании сатьяграхи, то не было бы и этих насилий. За это я уже наложил на себя епитимию, по-моему недостаточную, а именно: я заставил себя отложить поездку в Дели с целью добиться там снова моего ареста, и таким образом должен был предложить временное ограничение сатьяграхи в смысле сферы действия. Это для меня более мучительно, чем рана, но такой епитимьи еще недостаточно, и потому я решил поститься трое суток, т. е. 72 часа. Я надеюсь, что пост мой никого не огорчит. Я считаю, что для меня поститься 72 часа легче, чем вам 24. Я наложил на себя наказание, которое я могу нести. Если вы действительно испытываете жалость по поводу страданий, которые мне предстоят, то я прошу вас, чтобы эта жалость навсегда удержала вас от участия в преступных действиях, на которые я только что жаловался.

Запомните мои слова: мы не завоюем себе самоуправление, не создадим благополучия своей родины, если дадим волю насилию и террору. Если получить самоуправление и добиться устранения правонарушений можно было только при помощи насилия над англичанами и при помощи

убийств, то я предпочел бы обойтись без самоуправления и без устранения правонарушений. Для меня жизнь утратила бы свою ценность, если бы Ахмедабад продолжал применять насилие во имя истины. Поэт назвал Гуджарат «гарви», великим и славным, Ахмедабад, столица Гуджарата, имеет среди своего населения много верующих индусов и магометан. Совершать акты публичного насилия в таком городе это все равно, что зажечь пожар в океане. Кто в состоянии погасить? Я могу только предложить в качестве жертвы себя, чтобы меня сожгли в этом огне, и поэтому я прошу вас всех помочь в достижении той цели, которую я стремлюсь достичь при помощи поста. Пусть любовь, толкнувшая вас на недостойные деяния, пробудит в вас чувство реального и если эта любовь продолжает воодушевлять вас, то постарайтесь, чтобы мне не пришлось поститься до смерти.

Деяния, вызвавшие мое недовольство, по-видимому совершались в организованном порядке. Здесь видимо имелся определенный план и я, уверен, что за всем этим стоит какой-то образованный и умный человек. Он может быть и образован, но образование не просветило его. Такие люди вовлекли вас в заблуждение, толкнув на подобные дела. Я советую вам никогда не поддаваться заблуждению, а этих людей серьезно попрошу пересмотреть свои взгляды. И им и вам я рекомендую мою книгу «Хинд Сварадж», которая, по моему мнению, может быть напечатана и выпущена в обращение, не нарушая законов.

(Из речи М. Ганди, произнесенной в Ахмедабаде 14 апреля 1919 г.)

Бойкот

С сентября 1920 г. Национальный конгресс был главным образом органом развития внутренних сил. Он перестал действовать путем резолюций и обращений к правительству с жалобами на злоупотребления. Он утратил веру в благотельный характер существующей системы правления. В то же время было констатировано, что существование системы зависит от сотрудничества народа с правительством, которое могло быть сознательным и бессознательным, добровольным и принудительным. Поэтому, для того чтобы исправить систему или положить ей конец, было решено попробовать совершенно отказаться от добровольного сотрудничества.

На специальной сессии конгресса, происходившей в Калькутте в 1920 г., было постановлено начать бойкот правительственных титулов, судов, учебных заведений, законодательных органов, а также и иностранных тканей. Почти все виды бойкота были в большей или меньшей степени проведены теми, кого это касалось. Те, кто не мог или не хотел проводить бойкота, вышли из состава конгресса.

Я не собираюсь здесь излагать пеструю историю движения несотрудничества. Хотя ни один вид бойкота не был прове-

ден полностью, но все же в результате несомненно получилось умаление престижа всего, что в каждом отдельном случае подвергалось бойкоту.

Наиболее важным видом бойкота был бойкот насилия. Одно время он, казалось, проводился вполне успешно, но вскоре выяснилось, что ненасилие не вошло еще в плоть и кровь. Это было пассивное ненасилие, характерное для беспомощности, а не просвещенное ненасилие, проистекающее от избытка сил. В результате произошла вспышка нетерпимости по отношению к тем, кто не участвовал в несотрудничестве. Это было насилие более утонченного типа. Однако, несмотря на этот серьезный дефект, я с гордостью скажу, что пропаганда ненасилия помешала вспышке физического насилия, которая несомненно имела бы место, если бы не было применено несотрудничество без насилия.

По зрелом размышлении я убежден, что несотрудничество без применения насилия внушило народу сознание его силы. Оно выявило скрытую в народе способность сопротивляться страданиям. Оно вызвало пробуждение масс, которого, пожалуй, нельзя было достичь никаким другим способом. Поэтому, хотя несотрудничество без насилия и не принесло нам «свараджа», и хотя оно имело некоторые плачевные последствия, и хотя то, что мы пытались бойкотировать, все еще сохраняет силу, тем не менее, по моему скромному мнению, несотрудничество без насилия, как средство для достижения политической свободы, заняло прочную позицию,

и даже частичный успех в данном случае приблизил нас к «свараджу».

Совершенно вне всякого сомнения, что способность страдать за какое-нибудь дело должна содействовать его успеху. Но мы столкнулись с положением, которое заставляет нас крикнуть «стоп»! Ибо в то время, когда отдельные лица держатся твердо и по-прежнему продолжают верить в несотрудничество, большинство тех, кто непосредственно участвовал в движении, фактически утратили в него веру; исключение составил только бойкот иностранных тканей. Многие адвокаты возобновили свою практику; некоторые даже жалели, что раньше отказались от нее. Многие, которые вышли из правительственных органов, вернулись на свои посты и число тех, кто верит в целесообразность вступления в эти органы, увеличивается. Сотни мальчиков и девушек, покинувших правительственные школы и колледжи, раскаялись в этом и вернулись обратно. Мне приходится слышать, что правительственные школы и колледжи с трудом справляются с прошениями о приеме.

При таких обстоятельствах все эти бойкоты не могут проводиться как часть национальной программы, пока конгресс не будет согласен обходиться без поддержки тех классов, интересы которых в данном случае непосредственно затронуты. Но я считаю, что устранять эти классы из состава конгресса столь же невозможно, как исключать тех, кто проводит несотрудничество. Обе стороны должны оставаться в со-

ставе конгресса и воздерживаться от вмешательства в дела другой стороны или от враждебной критики ее действий. То, что применимо к единению между мусульманами и индусами, то, по-моему, применимо также к единению между различными политическими группами.

Мы должны терпимо относиться друг к другу и верить, что время переубедит тех или других. Мы должны пойти еще дальше, мы должны убедить либералов и других, покинувших конгресс, вернуться в его ряды. Если несотрудничество будет приостановлено, то нет оснований, чтобы они не участвовали в конгрессе. Первый шаг должен быть сделан с нашей стороны, со стороны членов конгресса. Мы должны обратиться к ним с дружеским приглашением и облегчить им вступление в Конгресс.

Теперь вы, пожалуй, можете понять, почему я заключил соглашение с сваражистами. Как видите, одна форма бойкота сохранилась. Щадя чувство одного английского друга, мы в соглашении заменили слово бойкот «отказом» употреблять иностранные ткани. Несомненно, что слово «бойкот» имеет дурной привкус. Оно обычно предполагает наличие ненависти; между тем, поскольку дело касается меня, я не имел намерения придавать этому слову такое значение. Бойкот относится не специально к английским, а вообще к иностранным тканям. В таком виде бойкот является не только правом, но и обязанностью. Это в такой же мере обязанность, как был бы обязательным бойкот иностранной воды,

если бы ее ввозили для замены воды индийских рек.

Но я здесь несколько уклонился от темы. Я хотел сказать, что соглашение сохраняет и даже еще усиливает бойкот иностранных тканей. Я считаю его хорошей заменой насильственных методов действия... С моей точки зрения, бойкот иностранных тканей является символом ненасилия. Революционные преступления имеют целью оказать давление, но это давление нездоровое; продиктованное гневом и злонамеренностью. Я утверждаю, что ненасильственные акты оказывают гораздо более существенное давление, чем насильственные, потому что это давление исходит от доброй воли и кротости. Бойкот иностранных тканей оказывает именно такое давление. Мы ввозим больше всего иностранных тканей из Ланкашира. Иностранные ткани являются также главным предметом нашего импорта. Второе место занимает сахар. Для Англии главный интерес концентрируется на торговле Ланкашира с Индией. Эта торговля в большей степени, чем что-нибудь другое, разорила индийского крестьянина, принудила его к частичному безделию, лишив одного из дополнительных заработков, которые он имел. Поэтому бойкот иностранных тканей является необходимым для крестьян, если они намерены существовать дальше...

Я называю ланкаширскую торговлю безнравственной, потому что она выросла и держится на разорении миллионов индийских крестьян, а так как одно безнравственное действие влечет за собой другое, то многие действия Британии,

которые заведомо носят безнравственный характер, в конечном счете вытекают из этой безнравственной торговли. И если этот великий соблазн будет устранен с пути Британии добровольным усилием Индии, то это будет благом для Индии, благом для Британии, а так как Британия в настоящее время является господствующей мировой державой, то это будет благом для всего человечества.

Я не согласен с утверждением, что предложение следует за спросом. Наоборот, часто спрос искусственно создается неразборчивыми в своих средствах торговцами. Если нация, как я это считаю, обязана подобно индивидам действовать согласно кодексу морали, то она должна считаться с благом тех, чей спрос она намерена удовлетворять. Например дурно и безнравственно, если нация снабжает вредными для здоровья крепкими напитками тех, кто склонен к пьянству. То, что правильно в данном случае, применимо также по отношению к хлебу и тканям, если с прекращением возделывания хлеба или выработки тканей в стране вследствие ввоза этих продуктов из-за границы население обрекается на невольную бездеятельность или нищету...

Поэтому я считаю долгом Великобритании регулировать свой экспорт в соответствии с интересами Индии. И точно так же долг Индии регулировать свой импорт применительно к этому требованию. Экономика, которая пренебрегает моральными ценностями — ложна. Распространение закона ненасилия на экономику означает не более и не менее как

включение моральных ценностей в качестве фактора, с которым надлежит считаться при регулировании международной торговли. И я должен сознаться, что мое честолюбивое желание состоит в том, чтобы благодаря усилиям Индии международные отношения были построены на моральной основе. Я не теряю надежды, что ненасилие, хотя бы в ограниченных пределах, будет воспринято массами. Я отказываюсь верить, что человеческая природа имеет тенденцию всегда стремиться к регрессу...

Вряд ли необходимо доказывать безнадежность (не говоря уже о насильственном характере) бойкота британских тканей или еще лучше всех британских товаров, который предлагают столь многие патриоты. Я рассматриваю бойкот исключительно с точки зрения блага Индии. Все британские товары в целом нам не причиняют вреда. Некоторые из них, как например английские книги, нужны нам для нашей умственной или духовной пользы. Что же касается тканей, то нам причиняют вред не только британские ткани, но все иностранные ткани, а в несколько меньшей степени даже и ткани, выделанные на индийских фабриках. Бойкот, направленный против британских тканей, не может дать таких же результатов, как бойкот, организованный на основе ручного прядения и ткачества. Требуется по крайней мере устранение ввоза всех иностранных тканей. Это не должно носить характера карательной меры, это то, что диктуется необходимостью национального существования...

Единение индусов и мусульман представляет не меньшую важность для «свараджа»... Это то, чем мы дышим. Мне нет надобности отнимать у вас много времени соображениями по этому вопросу, потому что необходимость такого единения для «свараджа» признается почти всеми. Я говорю «почти», потому что я знаю, что некоторые индусы и мусульмане предпочитают нынешнее положение зависимости от Великобритании, если нет возможности создать совершенно индусскую или совершенно мусульманскую Индию. Но по счастью таких людей немного...

Заинтересованные лица, которые чувствовали себя разочарованными в счастливые дни несотрудничества, теперь, когда оно утратило прелесть новизны, считают, что их час настал и спекулируют на религиозном ханжестве или эгоизме индусов и мусульман. Результаты этого запечатлены в распрах последних двух лет. Религию извратили. Пустяки возводились в степень религиозных догматов, которые, по уверениям фанатиков, надлежало соблюдать во что бы то ни стало. Экономические и политические вопросы были использованы для того, чтобы вызвать волнения в массах. Кульминационный пункт был достигнут в Кохате. Трагедия усугубилась вследствие крайнего равнодушия, проявленного местными властями. Я не собираюсь останавливаться на этом и исследовать причины или выражать кому-либо порицание. Если бы я даже хотел этого, то не располагаю материалами для такого задания. Достаточно сказать, что ин-

дусы бежали, опасаясь за свою жизнь. В Кохате преобладает мусульманское большинство, которое, поскольку это возможно при иностранном владычестве, держит политическую власть в своих руках. Таким образом на мусульманах лежала обязанность доказать, что индусы находятся среди этого большинства в такой безопасности, как если бы все население Кохата было индусским. Мусульмане Кохата не должны успокоиться, пока они не вернут обратно в Кохат всех беженцев. Я надеюсь, что индусы не попадутся в западню, поставленную им правительством, и решительно откажутся возвращаться, пока мусульмане Кохата не дадут им полных гарантий в отношении жизни и собственности.

Индусы могут жить среди преобладающего мусульманского большинства только в том случае, если последние желают иметь их в своей среде и обращаться с ними как с друзьями и с равными. Точно так же и мусульмане, там, где они в меньшинстве, нуждаются для достойного существования среди индусского большинства в дружественном отношении последнего. Правительство может защищать от воров и разбойников, но даже правительство «свараджа» не в состоянии защитить население против полного бойкота одной части общины другой. Правительство может справляться с ненормальными ситуациями, но если распри становятся нормальным явлением, то это называется гражданской войной, и участвующие в ней стороны должны сами вести борьбу.

Нынешнее правительство является иностранным, а по су-

шеству представляет собой замаскированную военную диктатуру, и оно располагает для своей защиты такими ресурсами, достаточными против всякой комбинации, которую мы можем создать; поэтому оно в состоянии, если только желает, справиться с нашими классовыми распрями. Но нельзя организовать правительство «свараджа», которое сколько-нибудь претендовало бы на популярность и строить его силу на военном положении. Правительство «свараджа» означает правительство, построенное на свободном и общем волеизъявлении индусов, мусульман и других. Поэтому индусы и мусульмане, если они желают «свараджа», должны в дружественном порядке уладить свои разногласия.

Объединительная конференция в Дели проложила путь для улаживания религиозных разногласий. От комиссии общепартийной конференции ожидают в числе прочего, что она найдет практическое и справедливое разрешение для политических разногласий, не только разделяющих индусов и мусульман, но также для политических разногласий между всеми классами, всеми кастами, сектами и религиозными толками. Нашей целью должно быть устранение как можно скорее представительства общин или отдельных групп. Общий избирательный корпус должен без всякой партийности выбирать представителей, исключительно руководясь их заслугами. Наши общественные учреждения тоже должны комплектоваться без всякой партийности из числа наиболее подходящих лиц обоего пола. Но пока наступит это время,

пока недоброжелательство общественных групп друг к другу и предпочтение, оказываемое своим, отойдут в прошлое, меньшинство, подозревающее мотивы, которыми руководствуется большинство, должно иметь возможность действовать так, как ему заблагорассудится. Большинство должно в этих случаях показывать здесь пример самопожертвования.

...Все должны знать полное определение «свараджа», т. е. тот план «свараджа», которого желает вся Индия и за который она должна бороться. По счастью комиссия, назначенная партийной конференцией, должна разработать такой план и будем надеяться, что она сумеет предложить план, который окажется приемлемым для всех партий. Разрешите мне здесь предложить на рассмотрение комиссии следующие пункты.

1. Условием для предоставления избирательного права должно быть не обладание имуществом и не занятие определенного положения, а физический труд, как это предложено например для избирательного права в конгрессе. Ценз грамотности или имущественный ценз, как показал опыт, допускают обход закона. Физический труд дает возможность пользоваться избирательным правом всем, кто желает принимать участие в управлении государством и кто заинтересован в его благополучии.

2. Разорительные расходы на военные надобности должны быть сокращены до размеров, необходимых для защиты жизни и собственности в нормальное время.

3. Отправление правосудия должно быть удешевлено и организовано в конечном итоге таким образом, чтобы высшая апелляционная инстанция находилась не в Лондоне, а в Дели. В гражданских делах надлежит побуждать стороны в большинстве случаев передавать свои споры на рассмотрение третейского суда. Решения «пан-чаятов» должны быть окончательны, за исключением тех случаев, когда имел место подкуп или явно злонамеренное, неправильное применение закона. Множественность промежуточных судебных инстанций должна быть устранена. Юриспруденция, построенная на судебной практике, должна быть упразднена, а общее судопроизводство – упрощено. Мы рабски усвоили сложную и запутанную английскую систему судопроизводства. В колониях наблюдается тенденция упрощать ее, чтобы дать тягущимся возможность самим вести свои дела без адвоката.

4. Доходы, извлекаемые от обложения вредных для здоровья напитков и наркотиков, подлежат отмене.

5. Жалованье на гражданской и военной службе должно быть снижено до уровня, допустимого применительно к общему состоянию страны.

6. Провинции должны быть территориально перераспределены на лингвистической основе с предоставлением им, каждой провинции, полной автономии для ее внутреннего управления и развития.

7. Должна быть назначена комиссия для рассмотрения всех монополий, предоставленных иностранцам. Все иму-

щественные права, надлежащим образом приобретенные, должны быть полностью гарантированы.

8. Индийским князьям должна быть предоставлена полная гарантия их положения без всякой помехи со стороны центрального правительства, причем подданные этих государств пользуются правом убежища, если они, не совершив нарушения уголовного кодекса, окажутся в самоуправляющейся Индии.

9. Отмена всякой власти, не подчиненной контролю.

10. Все должности доступны для каждого, кто окажется для них пригодным. Экзамены для поступающих на гражданскую или военную службу должны происходить в Индии.

11. Признание полной свободы религии за различными вероучениями при условии взаимной терпимости.

12. Официальным языком для провинциальных правительств, законодательных органов и судов должен стать в течение определенного периода местный язык данной провинции. В высшем апелляционном суде – «Приви Каунсиль» – официальным языком должен быть индустани. Шрифт применяется либо «деванагари», либо персидский. В центральных административных и законодательных учреждениях официальным языком тоже должен быть индустани. Языком международной дипломатии должен быть английский.

Я надеюсь, что вы не станете смеяться, если в только что сделанном наброске некоторых требований «свараджа», как я их понимаю, вам кое-что покажется причудливым. В насто-

ящее время мы, пожалуй, недостаточно сильны, чтобы добиться того или делать то, о чем я говорю.

Есть ли у нас на то воля? По крайней мере, будем развивать в себе желание...

(Из речи М. Ганди, произнесенной на сессии Национального конгресса в 1924 г.)

Раздел 2 Автобиография, или история моих опытов с истиной

Вместо предисловия. Дж. Оруэлл. Размышления о Ганди

До тех пор, пока безгрешность святого не доказана, она остается под сомнением, хотя, разумеется, нельзя подходить ко всем праведникам с одной и той же меркой. В случае с Ганди нас интересует следующее: в какой мере им руководило тщеславие? Не гордился ли он своим могуществом, когда застыв в смиренной наготе на молитвенном коврике, одной лишь силой духа угрожал империям? Пришлось ли ему пожертвовать своими принципами, занявшись политикой, которая неизбежно связана с насилием и обманом? Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо тщательно изучить деятельность Ганди, в том числе литературную, ибо его жизнь — своего рода аскетический подвиг и в ней существенна каждая деталь. Неполная автобиография, завершенная описанием событий 20-х годов, свидетельствует в его пользу, освещая тот период его жизни, который сам Ганди назвал бы периодом духовной слепоты и позволяет в этом святом или полусвятом увидеть черты исключительно одаренной лично-

сти. Ганди мог бы стать блестящим адвокатом, государственным чиновником или даже предпринимателем, но он выбрал иной путь.

Первые главы его книги «Автобиография...» я прочел в какой-то скверно отпечатанной индийской газете. Они произвели на меня хорошее впечатление, чего я не мог тогда сказать о самом Ганди. То, что с ним обычно ассоциировалось – одежда из домотканного сукна, вегетарианство, вера в «душевные силы», не вызывало у меня симпатии, а его политическая программа отдавала каким-то средневековым и явно не подходила для отсталой, перенаселенной и голодающей страны. К тому же было очевидно, что англичане используют его в своих интересах, по крайней мере сами они так и считали. Как националист – в строгом смысле слова – он был врагом, но поскольку в любой критической ситуации он делал все возможное, чтобы избежать кровопролития, его можно было считать «своим». Для англичан такая политика равносильна отказу от всякой борьбы, поэтому в частных беседах нередко проскальзывало циничное замечание, что Ганди, дескать, защищает интересы Британской короны. Индийских толстосумов он тоже вполне устраивал: в отличие от социалистов и коммунистов, которые стремились прибрать к рукам их капиталы, он призывал их к раскаянию. Время покажет, насколько подобный расчет оказался верным. Ганди часто говорил, что «в конце концов обманщики обманут лишь самих себя»; однако терпимость властей объясняется

еще и тем, что они могли его использовать в своих целях. Гнев английских консерваторов он навлек на себя только когда применил тактику ненасилия по отношению к другому агрессору, как это случилось в 1942 г.

Еще тогда я заметил, что даже чиновники колониальной администрации, относившиеся к Ганди со смешанным чувством неодобрения и сарказма, любили его и чуть ли не восхищались им. Его никогда не обвиняли в продажности и низком тщеславии, никто не смел утверждать, что в основе его деятельности – страх или злой умысел. Говоря о Ганди, невольно исходишь из высших критериев, так что иные его выдающиеся качества остаются незамеченными. Например, даже из автобиографии видно, что он всегда отличался поразительным бесстрашием, на что указывают и обстоятельства его смерти: когда общественный деятель дорожит своей жизнью, он заботится об охране. Несвойственна Ганди и маниакальная подозрительность, столь характерная для его соплеменников. Как справедливо заметил Э.М. Форстер в романе «Поездка в Индию», у индийцев это такой же традиционный порок, как у англичан – лицемерие. Ганди был проницательным человеком и обмануть его было нелегко, но при этом он хранил непоколебимую веру в искренность и отзывчивость человеческой природы. Типичный представитель среднего сословия, он вырос в бедной семье, с трудом пробивал себе дорогу в жизни и обладал непримечательной наружностью, но он никогда не страдал ни от зависти, не от чувства непол-

ноценности. Откровенная неприязнь к цветному населению, с которой он впервые столкнулся в Южной Африке, поразила его. Хотя борьба Ганди по сути – борьба цветного населения против европейцев, ему всегда была чужда расовая и социальная дискриминация. Человек прежде всего – человек и в этом смысле ничем не отличается от других людей, кем бы он ни был, губернатором провинции, хлопковым миллионером, голодным кули, английским солдатом. Даже в самые тяжелые годы, как например в Южной Африке, когда Ганди вызвал откровенную враждебность белого населения, защищая права индийской общины, у него было много друзей среди европейцев.

Автобиографию, написанную для еженедельника в виде небольших отрывков, не назовешь литературным шедевром, но читается она с интересом, несмотря на обилие отступлений и множество тривиальных подробностей. Оказывается, в юности Ганди питал типичные для индийского студенчества амбиции, а к своим радикальным взглядам пришел постепенно, а в ряде случаев чуть ли не против своей воли. Было время, когда он носил цилиндр, брал уроки танцев, изучал латынь и французский, поднимался на Эйфелеву башню и даже пытался играть на скрипке – одним словом старался как можно полнее ассимилировать европейскую культуру. Мы слышаны о святых, которые еще в нежном возрасте славились феноменальной набожностью; однако были и другие подвижники, которые удалились от мира, отдав дань по-

року. Ганди не принадлежит ни к тем, ни к другим. Он исповедуется во всех прегрешениях юности, хотя и признаваться почти что не в чем. На фронтисписе – фотография, на которой мы видим имущество Ганди в последний период его жизни. За весь этот скарб едва ли можно было выручить больше пяти фунтов, а полное собрание его грехов – по крайней мере плотских, выглядит более чем скромно. Несколько сигарет, несколько кусочков мяса, пара медяков, украденных в детстве у прислуги, два визита в бордель (в обоих случаях он покинул заведение «ничего не совершив»), история с квартирной хозяйкой в Портсмуте, когда ему чудом удалось избежать падения, одна-единственная вспышка гнева – вот и все.

С детства Ганди отличался честностью, а его мироощущение имело скорее этический, нежели религиозный характер. Однако вплоть до тридцати лет у него не было сколько-нибудь определенной ориентации, а первые шаги на поприще общественной деятельности сделаны благодаря увлечению вегетарианством, если, конечно, пропаганду вегетарианства можно считать общественной деятельностью. Свои деловые качества Ганди унаследовал от предков, торговцев средней руки. Даже после того, как он отказался от своих честолобивых планов, в нем чувствуется способный адвокат, трезвый политик, учредитель всевозможных комитетов и неутомимый охотник за пожертвованиями, скрупулезно учитывающий каждую рупию. Его характер представлял собой удиви-

тельную смесь, но обнаружить в нем какую-либо однозначно дурную черту просто невозможно. Вряд ли даже злейшие его враги станут отрицать, что этот удивительный человек сделал мир духовно богаче самым фактом своего бытия. Любил ли он кого-нибудь? Имеет ли его учение какую-либо ценность для тех, кто не приемлет его религиозной основы? Для меня эти вопросы так и остались нерешенными.

В последнее время модно утверждать, будто Ганди не только симпатизировал левому движению на Западе, но чуть ли не был его участником. Особенно рьяно предъявляют на него права анархисты и пацифисты, поскольку Ганди выступал против централизма и осуждал насилие, чинимое государством. При этом почему-то совершенно игнорируют антигуманистическую, потустороннюю направленность его доктрин. Почему-то забывают, что они несовместимы с принципом гуманизма – «человек есть мера всех вещей», а также с нашей общей целью – добиться лучшей жизни не в мире ином, а здесь, на земле. Полностью принять учение Ганди можно лишь допустив существование Бога и воспринимая окружающий мир, как иллюзию, из плена которой необходимо вырваться. Остановимся на правилах, которые Ганди считал обязательными для тех, кто посвятил себя служению Богу или человечеству (правда, он не настаивал, чтобы все его последователи беспрекословно их соблюдали).

Во-первых, необходимо отказаться от мяса, а по возможности и от всякой животной пищи. (Когда здоровье Ганди

было подорвано тяжелой болезнью, он был вынужден пить молоко и постоянно упрекал себя в ренегатстве.) Далее, не допускалось курение, употребление спиртных напитков, а также приправ и пряностей, даже если они были растительного происхождения: назначение пищи – поддерживать жизненные силы, а не услаждать вкус.

Во-вторых, воздержание; единственное назначение половой жизни – рождение детей, но и в этом случае сексуальные контакты должны быть сведены к минимуму. В возрасте 37 лет Ганди дал обет «брахмачарья», что подразумевало не только абсолютное воздержание, но и исчезновение сексуального влечения. Без соблюдения специальной диеты и частых постов это недостижимо, а употребление молока сопряжено с опасностью, так как оно вызывает сексуальное желание.

И наконец последнее, самое главное требование: тот, кто стремится к совершенству должен освобождаться от привязанностей и никому не оказывать предпочтения в любви и дружбе.

Привязанность к друзьям опасна, – говорит Ганди, ибо «друзья влияют друг на друга» и из-за верности можно впасть в прегрешение. С этим трудно не согласиться. Возлюбив Бога или человечество в целом, невозможно кого-то любить больше, а кого-то меньше. Бесспорно, это так, и здесь расходятся гуманистическая и религиозная позиция. В понимании обычного человека любовь – это возможность вы-

бора, когда одних людей предпочитают другим, иначе любовь теряет для него всякий смысл. Вряд ли можно сомневаться в любви Ганди к жене и детям, и все же, когда его жена в связи с тяжелой болезнью трижды была на пороге смерти и врач настаивал на мясной диете, Ганди был непреклонен и скорее был готов потерять жену, чем согласиться с врачом. Правда, она выздоравливала, не нарушая обета, а Ганди, оставаясь непоколебимым, всегда оставлял за ней право выбора – сохранить жизнь ценой отказа от принципов. Но если бы решение зависело только от него, он запретил бы животную пищу невзирая на смертельный риск; не на все можно пойти ради сохранения жизни, должен быть некий предел, и он – по эту сторону мясного бульона.

Быть может эта позиция и возвышенна, но она негуманна именно в том смысле, который этому слову придает большинство людей. Суть того, что мы называем гуманным, заключается в том, чтобы не стремиться к абсолютному совершенству и не бояться впасть в грехи ради любви и верности; человечность несовместима с аскетическим идеалом, осуждающим привязанности. Человек должен быть готов к тому, чтобы сполна заплатить за любовь к другим людям и принять как неизбежность то, что в конце концов жизнь сломает и победит нас. Подобно тому, как праведники воздерживаются от крепких напитков, табака и прочего, люди должны сторониться святости, хотя наверняка найдутся охотники со мной поспорить. В наш одержимый йогой век многие как-то

легко согласились с тем, что отсутствие «привязанностей» лучше честного принятия земной жизни, а средний человек просто не в силах от них отказаться, ибо это нелегко. Иными словами, обычный человек – это что-то вроде неудавшегося святого. Но это далеко не так. Большинство людей действительно не хотят быть святыми, а те, кто хочет, скорее всего, никогда не подвергались искушению быть просто людьми.

Если мы проанализируем психологические мотивы «отказа от привязанностей», то обнаружим желание избежать трудностей и в особенности страданий, сопутствующих любви. Любовь же, как чувственная, так и свободная от чувственности, никогда не бывает легкой. Бессмысленно спорить, какой идеал выше, гуманистический или религиозный, поскольку они несовместимы. Просто надо выбрать одно из двух: Бога или Человека, а все «радикалы» и сторонники «прогресса», от умеренных либералов до самых крайних анархистов в конце концов выбрали Человека.

Все же пацифизм Ганди в какой-то степени можно рассматривать отдельно, вне связи с остальными положениями его учения. Хотя мотивы этого пацифизма религиозны, Ганди был убежден, что его можно использовать в качестве метода политической борьбы. Позиция Ганди, однако, отличалась от взглядов западных пацифистов. Сатьяграха, впервые осуществленная в Южной Африке, это война без применения силы: чувство ненависти к противнику и причинение физического либо морального ущерба считалось недо-

пустимым, а победа достигалась исключительно мирным путем. Эта тактика основывалась на гражданском неповиновении; проводились массовые демонстрации и забастовки, когда люди ложились на рельсы перед идущим поездом и, не оказывая сопротивления полиции, отказывались разойтись и т. д. Принятый на Западе термин «пассивное сопротивление», по мнению Ганди, не передавал сущности движения («сатьяграха» в переводе с гуджарати означает «упорство в истине»).

Во время бурской войны Ганди был санитаром-носильщиком, а когда Англия вступила в 1-ю мировую войну, он вновь выразил готовность послужить империи, ухаживая за ранеными. Решительно осуждая войну и насилие, Ганди честно признавал необходимость принять чью-либо сторону. Центром его политической деятельности было обретение страной национальной независимости, поэтому он никогда не присоединялся к беспомощной лжи тех, кто утверждает, будто во всякой войне обе стороны стоят друг друга и не важно, кто победит.

В отличие от многих западных пацифистов он не боялся щекотливых вопросов. Во время 2-й мировой войны к числу таких вопросов относился следующий: «Как быть с евреями? Если вы против их уничтожения, то как их спасти, не прибегая к военному вмешательству?» Я не припомню ни одного честного ответа, хотя слышал немало уверток вроде: «Как будто дело в одних евреях!» Как свидетельствует Лу-

ис Фишер в книге «Ганди и Сталин», в 1938 году об этом спросили и Ганди, и он ответил, что немецким евреям следует совершить коллективное самоубийство и тем самым «вызвать возмущение всего мира и немецкого народа бесчеловечностью гитлеровского режима». После войны он не отказался от этой точки зрения: евреи все равно погибли, а могли бы умереть осмысленно. Подобные высказывания немало озадачили даже столь горячего поклонника Ганди, как Фишер. Но Ганди был просто до конца честным. Если у тебя не хватает решимости самому лишиться себя жизни, будь готов к тому, что ее могут отнять другие. В 1942 году, призывая к ненасильственному сопротивлению японским захватчикам, Ганди знал, что Индии это может стоить несколько миллионов жизней.

Не следует забывать, что Ганди, родившийся в 1869 году – человек эпохи, отошедшей в прошлое. Он не понимал природы тоталитаризма и видел проблемы современности лишь в свете своей борьбы с английским правительством. Важным моментом здесь представляется не столько терпимость властей, сколько тот факт, что Ганди всегда мог обратиться к общественности. Как видно из его слов, приведенных выше, он верил, что можно «вызвать возмущение всего мира». Но для этого мир должен о тебе услышать. Вряд ли методы Ганди будут эффективны в стране, где представители оппозиции бесследно исчезают в течение одной ночи. Без свободной прессы и права на собрания невозможно ни обратиться

к мировой общественности, ни развернуть массовое движение, ни даже заявить противнику о своих намерениях.

Есть ли свой Ганди в России? Если есть, каковы его планы? Русские могут оказать гражданское неповиновение лишь при одном условии: если эта идея каким-либо образом придет в голову каждому... Допустим, что тактика ненасилия эффективна в борьбе с правительством своей страны или против агрессора: но как применить ее в международном масштабе? Судя по его довольно противоречивым высказываниям по поводу последней войны, Ганди несомненно понимал, насколько это трудно. В сфере внешней политики пацифизм или перестает быть пацифизмом, или вырождается в примиренчество. В отношениях с людьми Ганди исходил из того, что можно найти подход к любому человеку, и он непременно откликнется на благородный жест. Однако этот его принцип нуждается в серьезной проверке. Ибо он окажется ложным, если мы имеем дело с сумасшедшим. И тогда возникает вопрос: кого считать нормальным? Был ли Гитлер безумцем? Может ли целая культура восприниматься как нечто ненормальное в свете ценностей другой культуры? И коль скоро мы можем судить об умонастроениях целого народа, можно ли утверждать, что между благородным поступком и откликом на него существует прямая связь? Может ли благодарность быть фактором внешней политики?

Эти вопросы настоятельно требуют решения, иначе может случиться так, что в один прекрасный день кто-то нажмет на

кнопку и в воздух взлетят смертоносные ракеты. Вряд ли наша цивилизация выдержит еще одну мировую войну, и весьма вероятно, что избежать ее можно ненасильственным путем. То, что Ганди не уклонился от честного ответа на вопрос, о котором говорилось выше, свидетельствует о его мужестве; вопросы, подобные этому, он вероятно обсуждал в своих бесчисленных газетных статьях. Далеко не все было ему ясно и многие проблемы ускользали от его понимания, однако он никогда не боялся размышлять над ними и высказывать свои суждения. Я никогда не чувствовал к нему симпатии, но я считаю, что как политический деятель он допустил серьезный просчет и дело всей его жизни кончилось неудачей.

После его убийства многие его последовали, преданные ему душой и телом, с горечью возопили, что Ганди пришлось своими глазами увидеть, как все его усилия пошли прахом: страна вовлечена в гражданскую войну, как это и предвиделось, поскольку гражданская война – одно из побочных последствий смены власти. У меня подобные настроения вызвали недоумение. Ганди отдал свою жизнь вовсе не ради того, чтобы уладить конфликт между индусами и мусульманами. Его главная политическая цель, мирным путем освободиться от английского владычества, была достигнута.

Достоверные факты, как обычно перечат друг другу. С одной стороны, англичане ушли из Индии не взявшись за оружие, – мало кто из обозревателей мог предсказать такой по-

ворот событий вплоть до 1947 г., когда это произошло. С другой стороны, это стало возможным благодаря правительству лейбористов, а правительство консерваторов, особенно такое, как при Черчилле, не пошло бы на это ни под каким видом. В Англии в 1945 г. были довольно сильные настроения в защиту Индии, но в какой мере здесь сыграла роль личности Ганди? И если между Англией и Индией в конце концов установятся дружественные отношения, что вполне возможно, будет ли и в этом заслуга Ганди, который упорной борьбой и отсутствием ненависти к противнику дезинфицировал политическую атмосферу? Уже тот факт, что мы задаем себе подобные вопросы, указывает на высокое моральное достоинство этого человека.

Можно, как я, ощущать по отношению к Ганди своего рода эстетическую неприязнь, можно не соглашаться с теми, кто видит в нем святого (кстати, сам он никогда не претендовал на исключительную праведность), можно вообще отвергать идеал святости и исходя из этого считать основные цели Ганди антигуманными и реакционными: но если видеть в нем только политического деятеля и сравнить его с другими ведущими политиками нашего века, какой чистой покажется атмосфера, которую он оставил после себя!

Перевод с английского Вл. Рынкевича.

Вступление

Лет пять назад, по настоянию своих ближайших товарищей по работе, я согласился написать автобиографию. Но не успел закончить я первую страницу, как в Бомбее вспыхнули волнения, и я вынужден был работу приостановить. Затем последовали события, которые для меня завершились заключением в тюрьму Йервади. Находившийся со мной в тюрьме адвокат Джерамдас советовал мне отложить все прочие дела и закончить автобиографию. Но я ответил, что уже составил себе программу занятий и не могу думать о чем-либо другом, пока она не будет выполнена. Я бы закончил автобиографию, если бы отбыл свой срок полностью, но меня освободили на год раньше. Теперь Свами Ананд повторил это предложение, а так как я закончил историю сатьяграхи в Южной Африке, то решил приняться за автобиографию для «Навадживана». Свами хотелось, чтобы я выпустил автобиографию отдельной книгой, но у меня не было для этого свободного времени: я мог писать лишь по главе в неделю. Для «Навадживана» мне все равно необходимо было что-нибудь писать еженедельно. Почему бы в таком случае не заняться автобиографией? Свами согласился с этим, и я усердно принялся за работу.

Между тем у одного из моих богобоязненных друзей возникли сомнения, которыми он поделился со мной в мой

«день молчания».

– Что толкнуло вас на эту авантюру? – спросил он меня. Писание автобиографий – обычай, присущий Западу. Я не знаю ни одного человека на Востоке, который занимался бы этим, за исключением лиц, подпавших под влияние Запада. А о чем вы будете писать? Допустим, завтра вы откажетесь от положений, которые сегодня считаете своими принципами, или в будущем пересмотрите сегодняшние планы. Не окажется ли тогда, что люди, руководствующиеся в своих поступках вашим авторитетным словом, будут введены в заблуждение? Не лучше ли совсем отказаться от этого или хотя бы несколько повременить?

Доводы эти произвели на меня некоторое впечатление. Но я и не собираюсь писать настоящую автобиографию. Просто мне хотелось бы рассказать историю своих поисков истины. А поскольку такие искания составляют содержание всей моей жизни, то рассказ о них действительно будет чем-то вроде автобиографии. Но я не против того, чтобы на каждой странице автобиографии говорилось только о моих исканиях. Я верю или по крайней мере стараюсь верить, что связанный рассказ об этом принесет пользу читателю. Мои искания в сфере политики известны теперь не только Индии, но и в какой-то степени всему «цивилизованному» миру. Для меня они не представляют большой ценности. Еще меньшую ценность имеет для меня звание «махатмы», которое я получил благодаря этим исканиям. Это звание часто сильно меня

огорчало, и я не помню ни одного случая, когда бы оно порадовало меня. Но мне, разумеется, хотелось бы рассказать об известных лишь мне одному духовных исканиях, в которых я черпал силы для своей деятельности в сфере политики. Если мои искания действительно носят духовный характер, тогда здесь нет места для самовосхваления, и мой рассказ может лишь увеличить мое смирение. Чем больше я размышляю и оглядываюсь на прошлое, тем яснее ощущаю свою ограниченность.

В течение тридцати лет я стремился только к одному – самопознанию. Я хочу видеть бога лицом к лицу, достигнуть состояния мокша. Я живу, двигаюсь и существую только для достижения этой цели. Все, что я говорю и пишу, вся моя политическая деятельность – все направлено к этой цели. Но будучи убежден, что возможное для одного – возможно для всех, я не держу в тайне свои искания. Не думаю, что это снижает их духовную ценность. Есть вещи, которые известны только тебе и твоему творцу. Их, конечно, нельзя разглашать. Искания, о которых я хочу рассказать, другого рода. Они духовного или скорее морального плана, ибо сущностью религии является мораль.

В своем жизнеописании я буду касаться только тех вопросов религии, которые одинаково понятны и взрослым и детям. Если мне удастся рассказать о них смиренно и бесстрастно, то многие, ищущие истину, почерпнут здесь силы для дальнейшего движения вперед. Я смотрю на свои иска-

ния как ученый, который хотя и проводит их весьма точно, тщательно и обдуманно, однако никогда не претендует на окончательность своих выводов и дает большие возможности для размышлений. Я прошел через глубочайший самоанализ, тщательно проверял себя, исследовал и анализировал все психологические моменты. И все же я далек от мысли претендовать на окончательность или непогрешимость своих выводов. Единственное, на что я претендую, сводится к следующему: мне они представляются абсолютно правильными и для данного момента окончательными. Если бы это было не так, я не положил бы их в основу своей деятельности. Но на каждом шагу я либо принимал, либо отвергал их и поступал соответствующим образом. И пока мои действия удовлетворяют мой ум и мое сердце, я должен твердо держиваться своих первоначальных выводов.

Если бы все сводилось для меня к обсуждению академических принципов, я, разумеется, не стал бы писать автобиографию. Но я ставил себе целью показать практическое применение этих принципов в различных случаях и потому назвал эти главы, к написанию которых я приступаю, «Историей моих поисков истины». Сюда должны войти искания в области применения ненасилия, безбрачия и прочих принципов поведения, которые обычно рассматриваются как нечто отличное от истины. Но для меня истина – главенствующий принцип, включающий множество других принципов. Эта истина есть правдивость не только в словах, но и в мыслях,

не только относительная истина наших понятий, но и абсолютная истина, вечный принцип, т. е. бог. Имеется бесконечно много определений бога, ибо проявления его бесчисленны. Они наполняют меня удивлением и благоговейным трепетом и на какое-то мгновение ошеломляют. Но я поклоняюсь богу только как истине. Я еще не нашел его, но ищу. Я готов в своих исканиях – пожертвовать всем самым дорогим для меня. Если понадобится жертва, я отдам даже жизнь, думаю, что я готов к этому. Все же до тех пор, пока я не познал эту абсолютную истину, я должен придерживаться относительной истины в своем понимании ее. Эта относительная истина должна быть моим маяком и щитом. Хотя путь этот прям и узок, как острие бритвы, для меня он был самым быстрым и легким. Даже мои колоссальные промахи показались мне ничтожными благодаря тому, что я строго держался этого пути.

Этот путь спас меня от печали, и я продвигался вперед, руководствуясь внутренним светом. Часто на этом пути я видел слабые проблески абсолютной истины, бога, и с каждым днем во мне росло убеждение, что только он один реален, а все остальное нереально. Пусть те, кто захочет, узнают, как во мне росло это убеждение; пусть они, если смогут, разделят со мной мои искания, а также мое убеждение. Во мне зрело все большее убеждение, что все, доступное мне, доступно даже ребенку; я говорю это с полным основанием. Практика этих исканий столь же проста, сколь и труд-

на. Они могут показаться совершенно недоступными человеку самонадеянному и вполне доступными невинному младенцу. Ищущий истину должен быть смиреннее праха. Мир попирает прах, но ищущий истину должен настолько смириться, чтобы даже прах мог попать его. И только тогда, а не прежде, он увидит проблески истины. Это становится абсолютно ясно из диалога между Васиштой и Вишвамित्रой. Христианство и ислам также полностью подтверждают это.

Если читателю покажется, что в моих словах сквозит гордыня, значит, что-то неверно в моих исканиях и я видел не проблески истины, а всего лишь мираж. Пусть погибнут сотни таких, как я, но восторжествует истина. Даже на волосок не следует отступать от истины, когда судят о таких заблуждающихся смертных, как я.

Я прошу, чтобы никто не считал советы, разбросанные по страницам последующих глав, непререкаемыми. Описываемые мной искания следует рассматривать лишь как иллюстрации. Каждый, ознакомившись с ними, может проводить свои собственные искания в соответствии со своими наклонностями и способностями. Полагаю, что с такой оговоркой предлагаемые мной иллюстрации будут действительно полезны, так как я не собираюсь скрывать или замазывать неприятные вещи, о которых следует говорить. Я надеюсь познакомить читателя со всеми своими ошибками и заблуждениями. Моя задача – описать свои искания в области сатъяграхи, а вовсе не рассказывать о том, какой я хороший.

Оценивая самого себя, я постараюсь быть строгим, как истина, и хочу, чтобы другие были такими же. Применяя к себе такое мерило, я подобно Сурдасу могу воскликнуть:

Есть ли на свете негодяй,
Столь порочный и омерзительный, как я?
Я отказался от своего творца,
Настолько я вероломен.

Ибо для меня вечная мука, что я все еще далек от него, который, как я доподлинно знаю, управляет каждым моим вздохом и от которого я веду свое начало. Я знаю, что мои дурные страсти отдаляют меня от него, но я еще не в силах избавиться от них.

Но пора кончать. В следующей главе я приступлю уже к рассказу о своей жизни.

М. К Ганди.

Ашрам, Сабармати, 26 ноября 1925 года.

Часть первая

Семья и родные

Ганди принадлежат к касте бания, и некогда, по-видимому, они были бакалейщиками. Но представители трех последних поколений, начиная с моего деда, были премьер-министрами в нескольких княжествах Катхиавара. Мой дед Оттамчанд Ганди или, как его чаще называли, Ота Ганди, был, по всей вероятности, человеком принципиальным. Государственные интриги заставили его покинуть Порбандар, где он был диваном, и искать убежище в Джунагархе. Там он обычно приветствовал наваба левой рукой. Кто-то, заметив такую явную неучтивость, спросил деда, чем она вызвана. «Правая рука моя принадлежит Порбандару» – ответил он.

Ота Ганди, овдовев, женился вторично. От первой жены у него было четыре сына, от второй – два. Помнится, в детстве я никогда не чувствовал и даже, пожалуй, не знал, что сыновья Ота Ганди были не от одной матери. Пятым из этих шести братьев был Карамчанд Ганди, или Каба Ганди, как его называли, шестым – Тулсидас Ганди. Оба брата, один за другим, занимали пост премьер-министра Порбандара. Каба Ганди – мой отец. Он был членом раджастанского суда. Сейчас этот суд больше не существует, но тогда это был

весьма влиятельный орган, разрешавший споры между главами и членами кланов. Каба Ганди был некоторое время премьер-министром в Раджкоте, а затем в Ванканере. До самой смерти он получал пенсию от правительства Раджкота.

Каба Ганди был женат четыре раза. Первые три жены умерли. От первого и второго браков у него остались две дочери. Четвертая жена Путлибай родила ему дочь и трех сыновей. Я был самым младшим.

Отец был предан своему роду, правдив, мужествен и великодушен, но вспыльчив. В известной мере он не мог жить без чувственных наслаждений. В четвертый раз он женился, когда ему было уже за сорок. Он был неподкупен и за свою справедливость пользовался уважением и в семье, и среди чужих. Хорошо известна была его лояльность по отношению к государству Раджкот. Однажды помощник политического агента выразился оскорбительно о раджкотском такор-сахибе, у которого отец состоял на службе. На оскорбление отец ответил оскорблением. Агент рассердился и потребовал у Каба Ганди извинения. Отец извиняться не стал и был посажен под арест. Однако, увидев, что Каба Ганди непреклонен, агент через несколько часов велел выпустить его.

Отец никогда не стремился к богатству и оставил нам совсем небольшое состояние.

Он не получил никакого образования, а лишь приобрел большой практический опыт; в лучшем случае он доучился до пятого класса гуджаратской школы. Об истории и геогра-

фии отец не имел никакого понятия. Но богатый жизненный опыт помогал ему решать самые сложные вопросы и управлять сотнями людей. Он был малообразован и в религиозном отношении, но у него была та религиозная культура, которая свойственна многим индусам благодаря частому посещению храмов и слушанию религиозных проповедей. На склоне лет он по настоянию ученого брахмана, друга семьи, начал читать «Бхагаватгиту» и во время молитвы ежедневно вслух повторял из нее несколько стихов.

О матери я сохранил воспоминание как о святой женщине. Она была глубоко религиозна и не могла даже подумать о еде, не совершив молитвы. Она считала своим долгом ежедневно посещать хавели – храм вишнуитов. Если мне не изменяет память, мать ни разу не пропустила чатурмаса. Она накладывала на себя строжайшие обеты и неукоснительно их выполняла. Помнится, однажды во время чан-драяны она заболела, но даже болезнь не помешала ей соблюдать пост. Для нее ничего не стоило поститься два-три дня подряд. У нее даже вошло в привычку во время чатурмаса принимать пищу только раз в день. Не довольствуясь этим, во время одного из чатурмасов она постилась через день. В другой раз во время чатурмаса она дала обет не есть, пока не увидит солнца. В такие дни мы, дети, не спускали глаз с неба, чтобы поскорее сообщить матери о появлении солнца. Всем известно, что в сезон дождей солнце очень часто совсем не показывается. Помню, как бывало мы мчались сломя голо-

ву, чтобы сообщить матери о его внезапном появлении. Она прибегала, чтобы самой взглянуть на небо, но солнце уже успевало скрыться, и мать снова лишалась возможности поест. «Ничего, – бодро говорила она, – бог не пожелал, чтобы я сегодня ела». И возвращалась к своим обязанностям.

Мать была весьма здравомыслящим человеком, она была прекрасно осведомлена о государственных делах, и придворные дамы с уважением отзывались о ее уме. Пользуясь привилегией детского возраста, я часто сопровождал мать во дворец, и до сих пор помню ее оживленные беседы с вдовой – матерью такор-сахиба.

Я родился в Порбандаре, или Судамапури, 2 октября 1869 года. Там же провел детство. Помню, как впервые пошел в школу. В школе мне не без труда далась таблица умножения. Тот факт, что из всех воспоминаний в памяти сохранилось лишь воспоминание о том, как я вместе с другими детьми научился давать всевозможные клички нашему учителю, говорит о том, что ум мой тогда был неразвит, а память слаба.

Детство

Мне было около семи лет, когда отец переехал из Порбандара в Раджкот, где был назначен членом раджастанского суда. Я поступил в начальную школу. Хорошо помню эти дни и даже имена и привычки учителей, обучавших меня. Но мне почти нечего сказать о своих занятиях там, как и о занятиях

в Порбандаре. Вероятно, я был весьма посредственным учеником. Из этой школы я перешел в пригородную, а затем – в среднюю. Мне шел тогда двенадцатый год. Не помню, чтобы я хоть раз солгал учителям или школьным товарищам. Я был очень робок и избегал общества детей. Единственными друзьями были у меня книги и уроки. Прибегать в школу точно к началу занятий и убегать домой тотчас по окончании их вошло у меня в привычку. Я в буквальном смысле слова убегал домой, так как терпеть не мог с кем-нибудь разговаривать. Я боялся, как бы надо мной не стали подтрунивать.

В первый же год моего пребывания в средней школе со мной произошел случай на экзамене, о котором стоит рассказать. Инспектор народного образования м-р Джайльс производил обследование нашей школы. Чтобы проверить наши познания в правописании, он заставил нас написать пять слов, в том числе слово «котел». Я написал это слово неправильно. Учитель, желая подсказать, толкнул меня ногой. Он хотел, чтобы я списал незнакомое слово у соседа. Но я считал, что учитель находится в классе для того, чтобы не давать нам списывать. Все ученики написали слова правильно. И только я оказался в глупом положении. Позже учитель пытался доказать мне, что я сделал глупость, но это ему не удалось. Я так и не смог постичь искусство «списывания».

Однако этот инцидент несколько не умалил моего уважения к учителю. По натуре я был слеп к недостаткам старших. Впоследствии я узнал и многие другие недостатки этого учи-

теля, но сохранил к нему уважение, поскольку привык выполнять приказания старших, а не критиковать их.

В моей памяти сохранились еще два случая, относящиеся к тому же времени. В общем я читать не любил и читал только учебники. Уроки я готовил ежедневно, но лишь для того, чтобы избежать замечаний учителя; да и не хотелось обманывать его. Поэтому часто я делал уроки без всякого интереса. А уж если я даже уроки не готовил должным образом, то нечего и говорить о другом чтении. Но как-то мне попалась книга, приобретенная отцом, – «Шравана питрибакти Нататка» (пьеса о преданности Шравана родителям). Я читал ее с неослабевающим интересом. Приблизительно в это же время к нам приехала группа бродячих актеров. В числе прочих представлений они показали сценку, в которой Шраван, направляясь к святым местам, несет на ремнях, перекинутых через плечи, своих слепых родителей. Книга и эта сценка произвели на меня неизгладимое впечатление. «Вот пример, которому ты должен подражать», – сказал я себе. Душе-раздирающие причитания родителей, оплакивающих смерть Шравана, до сих пор свежи в моей памяти. Трогательная мелодия глубоко взволновала меня, и я исполнил ее на концертино, которое купил мне отец.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.